

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ОКО ЗА ОКО

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Корни земли

Марина Александрова

Око за око

«Научная книга»

2019

Александрова М. Г.

Око за око / М. Г. Александрова — «Научная книга»,
2019 — (Корни земли)

Боярский сын Ярослав после смерти родителей становится казаком, он одержим желанием отомстить за убийство своих родных. И в этот непростой жизненный период он встречается Григория Отрепьева – будущего русского царя Лжедмитрия...

© Александрова М. Г., 2019

© Научная книга, 2019

Содержание

Легенда о перстне	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Александрова

Око за око

Легенда о перстне

В давние времена в городе Константинополе жил человек. Слыл он великим мастером ювелирных дел. Не было ему равных в этом не только в Константинополе, но и по всей Византии. Делал мастер перстни, браслеты и ожерелья и тем зарабатывал немалые деньги.

Всего было в достатке у ювелира, не было у него только семьи. Жил он одинокой холостяцкой жизнью, а годы шли, и был он уже не молод.

Но вот однажды встретил мастер девушку, прекрасную, как сама любовь. Воспылал к ней страстью ювелир, и девушка, как это не удивительно, ответила ему взаимностью. Ювелир женился на ней – препятствий к этому никаких не возникло – и стал жить семейной жизнью.

Только после свадьбы понял мастер, что многое не разглядел в характере своей красавицы-жены. Оказалось, что под ангельским личиком скрывается дьявольский нрав. Но мастер все равно продолжал любить свою жену, а потому прощал ей все злобные выходки, принимая ее такой, какая она есть.

Время шло. Ювелир делал свои украшения, предоставив молодой жене полную свободу действий. Та занималась исключительно самой собой, не прилагая ни малейших усилий к тому, чтобы сделать счастливым мужа.

Однажды жена все же подарила мастеру радостную весть, сказав, что она беременна. В положенный срок на белый свет родилась девочка. Семейная жизнь начала потихоньку входить в спокойное русло. Конечно, примером добродетели жена мастера не стала, но и откровенно злобных выходок себе уже не позволяла.

На самом деле причиной этому было не рождение дочери и не изменения, произошедшие в характере жены. Ювелир и не догадывался, что его жена, уезжая на несколько дней, вовсе не гостит у родителей, как она обычно говорила, а принимает участие в служениях, противных Богу, т. е. в черных мессах.

Годы все шли и шли, мастер по-прежнему ни о чем не догадывался. Его только удивляло, что жена никогда не берет дочь с собой погостить у родных. Однако та всегда отговаривалась тем, что отец не может простить ее за то, что она подарила ему внучку, а не внука, и девочку видеть не хочет. Ювелир изумлялся стойкой неприязни свекра, но вслух ничего не говорил. Он-то любил свое единственное дитя до самозабвения.

Дочь подросла и стала писаной красавицей, не уступающей в красоте матери, лишь душа у нее была светлая, как у настоящего ангела, сошедшего с неба для того, чтобы спасти нашу грешную землю.

Но вот, однажды жена внезапно выразила желание взять девушку с собой. Та с радостью согласилась. Вернулась жена через месяц. Обливаясь слезами, поведала она мастеру о том, что их единственная дочь скончалась от болотной лихорадки по приезде к родственникам.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, сам поехал к ее родителям. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Ювелир начал следить за женой. Когда она очередной раз собралась ехать к родителям, он сказался больным и по этой причине отказался ехать с ней, проведать могилу дочери. Жена уехала, а он последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Мастер прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть, как участники черной мессы приносят в жертву сатане молодую девушку. Это была уже не дочь ювелира, но тот проник в суть происходящего.

В следующий раз черная месса была прервана в самом разгаре появлением священников. Жenu ювелира, по его просьбе, не предали смерти, как остальных участников преступных деяний, а привезли в монастырь, дабы изгнать из нее демона.

Ритуал был проделан со всей тщательностью, и, наконец, душа ее очистилась от скверны. Сразу же после того, как дьявол был изгнан, жена мастера скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Потому решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простенький серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Когда изготовлялся перстень, монах наложил на него заклятье.

Он понимал, что когда-нибудь, несмотря на все старания монахов, перстень может попасть в чужие руки. Поэтому бывший ювелир постарался как можно более обезопасить проклятое украшение. Естественно, сделать его совсем безобидной побрякушкой ювелир не мог, но подчинить – в некоторой степени – демона, таящегося в кольце, воле его владельца, было монахам под силу.

На перстень наложили заклятье, по которому демон не мог вредить своему хозяину, но помогал ему во всем. Освободиться от власти хозяина демон мог лишь в том случае, если его владелец совершит три проступка, которые разрушат чары. Для того чтобы выпустить демона на свободу, владелец перстня должен был стать причиной смерти женщины, лжесвидетельствовать и лишить ребенка куска хлеба. После этого демон будет волен расправиться с ним, и ничто не станет ему в этом преградой.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей. Мастер, постригшись, остался в монастыре и всегда носил перстень на левой руке как напоминание о своей неосмотрительности и постигшем его горе. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Однажды мастер отправился с неким поручением в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца – дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося людям горе.

Глава 1

Ослепительное утреннее солнце, после затянувшейся непогоды наконец вновь предстало пред жителями Углича во всем своем великолепии, щедро одаривая долгожданными лучами, словно последней милостью, около двухсот человек, находящихся на главной площади града, половине из которых в этот майский денек предстояло проститься с жизнью.

У Ярослава, протискивавшегося сквозь многочисленную толпу праздных зевак, от яркого блеска и мелькавших пред ним лиц нестерпимо ломило глаза, на которых и без того застыли еле сдерживаемые слезы.

Пробираться к центру площади с каждым шагом становилось все труднее и труднее, и вскоре Ярославу пришлось остановиться, натолкнувшись на непреодолимое препятствие. Прижавшись друг к другу настолько тесно, что затылком ощущалось чужое дыхание, люди плотным кольцом окружили место казни, и прекративший свое движение Ярослав мгновенно стал частью этой непроходимой живой стены.

Волнение, охватившее казавшееся безбрежным людское море, постепенно нарастало, однако Ярослав уже не замечал бурлящей вокруг него многотысячной толпы. До рези в глазах, пытаясь найти знакомые лица, всматривался он в то самое место на площади, где с минуты на минуту должна была произойти расправа доселе невиданного для мирного града размаха.

Гражданам Углича предстояло поплатиться за преданность юному царевичу Дмитрию, который, по тайному приказу Бориса Годунова, был зарезан Михаилом Битяговским. Угличане, гордившиеся выпавшей их городу честью воспитывать будущего самодержца, в праведном гневе растерзали убийцу и его сообщников.

Земля Российская тут же стала полниться слухами о причастности Годунова к смерти царевича, и тот, желая снять с себя все подозрения, решил уничтожить не только участвовавших в расправе над Битяговским, но и всех свидетелей кровавого дела. Под горячую руку Бориса попали как участвовавшие в убийстве Битяговского, так и ни в чем не повинные люди...

Там, куда, шурясь, так старательно вглядывался Ярослав, наконец показалось какое-то движение, и шумевшая все утро толпа, как по приказу, притихла. В полнейшей тишине слова читавшего указ звучали отрывисто, словно удары большого молота, и под каждым взмахом этого орудия погибала чья-то жизнь.

– ...Егоркин Евдоким, Евсеев Иван, Евсеев Никита, Евсеев Николай, Зиновьев Павел... – оглашал список приговоренных к смертной казни читавший, и с трижды прозвучавшей фамилией пропала последняя надежда Ярослава на то, что его семья останется в живых.

Волна неопишуемой горечи, обиды на весь белый свет накатила на Ярослава, пока стрельцы закидывали петли на шеи его отца и братьев, и сквозь наворачнувшиеся на глаза слезы, которые уже не было никаких сил сдерживать, он почти не видел, как встrepенулись и вместе с последними вздохами навеки замерли тела его родных.

Ярослав, единственный из оставшихся в живых в семье Евсеевых, не стал дожидаться, когда снимут тела. В отчаянии расталкивая окружающих, осыпaeмый с разных сторон всевозможной бранью, он изо всех сил начал выбираться из толпы.

Когда наконец для обессиленного Ярослава место казни осталось далеко позади, он привычной дорогой, которая из-за бывшей в самом разгаре казни теперь пустовала, направился к своему другу Дмитрию. Однако задолго до того, когда стала видна усадьба Ефимовых, Ярослав нос к носу столкнулся с Димкой, который стремительно вынырнул из-за поворота.

– Ярыш! И где тебя черти носят! – выплеснул на Евсеева свое возмущение Димка, однако, заметив еще не высохшие на его лице слезы, смягчился. Беря друга под руку, он уже более мягко продолжал:

– Я же тебя просил не ходить туда... И вообще, как ты только узнал?

– Так, – Ярослав прижал руку к сердцу и, опустив глаза, тихо добавил. – Их больше нет... Дмитрий даже не нашелся, что на это ответить, и между друзьями повисло тягостное молчание.

– Ты что-то хотел мне сказать? – первым нарушил тишину Ярослав.

– Да, знаешь, а ведь пока ты был... – Димка замялся, – ну пока ты был там, тобой интересовались, так что благодари Бога, что никто не додумался искать тебя здесь.

– Кто обо мне спрашивал? – брови Ярослава удивленно поднялись.

– Люди Салтыкова.

– Глеба?

– Угу, – кивнул Димка. – Ты его знаешь?

– Я-то – нет, но зато его прекрасно знал мой отец, – усмехнулся Евсеев.

– Я зря переживал? – не понял тона Ярослава Дмитрий.

– Нет, не зря. Кажется, теперь переживать придется мне. Сколько я себя помню, у Глеба с моим отцом тяжба.

– Твой отец ее выиграл?

– Нет, – возразил Ярослав, – они, наверное, уже лет десять воду в ступе толкли. Все уже давно привыкли, что земли за Ровным так до сих пор остаются без хозяина.

– Хочешь сказать, что в землях этих особой надобности никому не было? Десять лет – немалый срок, уже давно кто-то должен был прибрать их к рукам.

– Напротив, потому и Глеб, и мой отец так до сих пор и не могли их поделить. Зато теперь-то уж точно у ровенцев появится хозяин, потому и искали меня люди Глеба.

Размышляя вслух, как будто говорил сам с собой, а не рассказывал другу, Ярослав продолжал, все более и более хмурясь с каждым словом:

– Если я останусь в живых, то рано или поздно вновь смогу затеять тяжбу. Со смертью же всех претендующих на земли с одной стороны, весь удел беспрепятственно отходит другой...

Лицо Евсеева перекошилось от внезапной догадки, и, с силой пнув подвернувшийся под ноги камень, Ярослав прошипел, словно ядовитый змей:

– Сволочь...

– Хочешь сказать, он воспользуется тем, что ты остался один?

– Ну и тупой же ты стал, Димка! – не выдержал Евсеев. – Это ж надо придумать – воспользуется! Да я голову могу на отсечение дать, что сегодняшняя казнь отца и братьев – Глебовых рук дело!

– Нет, все-таки как же он хитро придумал! – не унимался Ярослав. – Никому ведь никогда и в голову не придет обвинить Салтыкова в их смерти – приказ Годунова, и баста! Вот только одного Глеб не рассчитал: что меня в доме не будет. То-то он рвет и мечет нынче, – впервые за сегодняшний день улыбнулся Ярослав.

– Чему же ты радуешься? – глядя на улыбку друга, спросил Дмитрий. – Он ведь тебя теперь в покое не оставит.

«Нет, это я его в покое не оставлю», – подумал Евсеев, и все самое страшное, что только может скрываться в самых дальних уголках человеческой души, всколыхнулось в душе Ярослава. Однако, сумев пережить самое худшее, что только могло случиться, Евсееву не составило труда подавить злобу.

– Скрыться тебе нужно, вот что я скажу, – посоветовал другу Ефимов. – Пошли ко мне. Кажется, никто не знает, что мы с тобой знакомы.

– Пока не знает, – уточнил Ярослав.

– Если ты хоть иногда будешь со мной соглашаться и прислушиваться к моему мнению, то никто и не узнает, – слегка обиженно возразил ему Дмитрий.

– А как же твое многочисленное семейство? Не думаю, что оно будет в восторге от такого гостя.

– А ты думаешь, я тебя со своими сестрами знакомить иду? – рассмеялся Димка. – Вот уж не дожدهшься, я ведь тебя как облупленного знаю.

– Хочешь сказать, мне с лошадами придется обниматься? – и на этот раз рассмеялся Ярослав, который от привычного шутливого тона их бесед наконец пришел в себя.

– А ты хочешь сказать, – возразил Димка, – что у тебя есть выбор? – И, когда поравнялись с усадьбой, не удержавшись, добавил, – если будешь вести себя тихо, так и быть, к лошадкам и прочим тварям тебя не отправлю.

Однако, вопреки ожиданию Ярослава, Ефимов как будто и знать не знал, чья это усадьба, с равнодушным видом провел друга мимо. Завернувши за угол, Димка медленно шел вдоль высокого забора, примерно в середине остановился и, взявши из него ничем не отличавшуюся от других доску, вынул ее, затем взялся за другую, и через пару мгновений в заборе образовалась дыра, в которую с успехом могли пробраться люди и не отличавшиеся такой стройностью, как Ярослав и Дмитрий.

Нырнув в эту самую дыру, Ярослав оказался позади какой-то дворовой постройки, и из-за исходившего оттуда запаха Евсеев грешным делом и правда подумал, что Димка оставит ночевать его в конюшне. Однако Евсееву повезло: задами каких-то построек, незаметно, с другого входа, они пробрались в ту часть усадьбы, где обитала прислуга.

Не успев прикрыть дверь, Ефимов прямо-таки впихнул Ярослава в ближайшую каморку, где, как догадался Евсеев, обитала только одна служанка. Усадив Ярослава на лавку, Дмитрий с напряженным лицом замер у двери.

А сделал он это вовсе не напрасно: не успели оба друга отдышаться, как послышались чьи-то шаги, и на пороге появилась довольно милая девица. Не ожидая здесь кого-то встретить, она в испуге попыталась издать один из тех душераздирающих криков, на который наверняка бы сбежалась вся усадьба, во всяком случае, та половина, где проживала прислуга, точно.

По всей видимости, Димка хорошо знал норы всех служанок, оттого с проворностью, которой мог бы позавидовать любой дворовый мальчишка, крепко зажал девке рот.

– Тихо, Ульяна, не шуми, не черти щекочут, – привыкнув всегда подшучивать, попытался уговорить ее Дмитрий и отпустил, только когда девка пришла в себя.

– Ну и напугал же ты меня! – со все еще бьющимся сердцем, пытаясь не переходить на крик, воскликнула Ульяна и только тогда заметила, что в каморке они не одни.

– Слушай, Уленька, – поняв удивление девки, обратился к ней Ефимов, – помощь мне твоя нужна. Моему другу, Ярославу, – указывая на Евсеева, объяснял Димка, – нужно немного пожить где-то...

– И местом его приюта ты выбрал мою скромную каморку! – перебила его Ульяна, которая, похоже, была не в духе.

– Я всегда считал тебя девкой сметливой, да догадливой, – умасливая ее, сказал Димка.

– Уста-то у тебя медовые, да только нрав тяжелый! – вздохнула Ульяна. – Вот и теперь, поди, сперва приятеля ко мне поселишь, а потом в моей скромности, да добродетели сомневаться станешь.

– Если бы я в ней сомневался, то уж явно не стал бы селить Димку в столь близком от тебя соседстве, – оправдался Ефимов и со всей строгостью, на которую только был способен, добавил. – Хочешь ты этого или нет, но Ярослав будет здесь жить, и никто не должен об этом знать.

– Хорошо, – согласилась Ульяна. Была она чуть обижена, поскольку, никогда ранее не разговаривал с ней Димка подобным тоном. – Только запомни, боярин ты мой дорогой, если что приключится вдруг, то помни, что ты сам привел сюда Ярослава, а я долго и упорно отказывалась.

– Приюти гостя, Ульяна, – словно не замечая ее последних слов, вновь приказал челядинке Дмитрий, – да не докучай сегодня расспросами. – На его лице застыло трудноописуемое выражение, видимо, созданное Ефимовым для придания своим словам большей значимости.

Затем, обращаясь уже к Евсееву, Дмитрий попросил друга:

– Ярыш, хотя бы на этот раз ты никуда не отправишься без моего ведома? Если вдруг что-то затеешь или нужно будет срочно меня увидеть, скажи Ульяне – она меня найдет. Да и со всем прочим тоже обращайся к Уле – ей можно доверять. А я покуда пойду – есть одно дельце, зайду вечером, расскажу.

И, уходя, уже на пороге, Димка вновь обратился к другу:

– Надеюсь, не придется мне жалеть о том, что привел я тебя к Уленьке?

– Будь уверен, – усмехнулся Ярослав, – я не хочу к лошадам.

Глава 2

Несмотря на обиду, Ульяна верно выполнила все пожелания Дмитрия, и даже придирчивому гостю не на что было пожаловаться. Уля не то что не докучала Евсееву расспросами, за все то время, которое они пробыли вместе, она так и не заговорила с Ярославом, не считая пары слов о том, где Евсееву предстоит спать и хочет ли он чего-нибудь отведать. Позже, убедившись, что гость не собирается никуда направляться и ему уже ничего не понадобится, Ульяна со спокойной душой покинула каморку, и Ярослав вновь остался один.

В темной комнатухе, в которую не доносились никакие звуки, Ярослав, предаваясь самым безрадостным мыслям, с особенной остротой ощутил свое одиночество; он еще не знал, что с сегодняшнего дня это чувство уже никогда его не покинет.

Последний ребенок в семье Евсеевых, Ярослав и без того был обижен судьбой. Его мать умерла почти сразу после рождения, а бабушка, едва он подрос, отправилась вслед за ней, так что, не имея ни теток, ни сестер, Ярослав был лишен той необходимой для каждого женской ласки, отсутствие которой в детстве человек ощущает на протяжении всей жизни.

Отец Ярослава, думский боярин Иван Евсеев, был известным, влиятельным человеком в Угличе, но потому и слишком занятым – у него никогда не находилось достаточно времени для семьи. И если старшие братья Ярослава воспитывались еще в те времена, когда Иван не пропадал с утра до вечера в Думе и не был вечно озабочен тяжбой с Глебом Салтыковым, то Ярослав как раз остался и без должного внимания со стороны отца.

Несмотря на это, а, может быть, наоборот, именно поэтому, Ярослав горячо любил и отца, и братьев, так что потеря семьи была для него тяжким ударом. Кроме того, с их смертью восемнадцатилетний Ярослав лишился всех близких людей.

В страшных муках напрягал он память, пытаясь вспомнить хоть кого-нибудь из родственников, но напрасно: отец никогда не распространялся о родне, и ни разу в их доме не было людей, которые бы были ему близки по крови.

Вот только бабушка однажды обмолвилась о предках всей семьи Евсеевых: словно сказку, рассказывала она своему любимому внуку одну красивую историю, которая до глубины души поразила маленького Ярыша.

Ярослав уж давно не помнил тех звучных фраз и красивых описаний, которыми изобилует рассказ бабули, но смысл сказанного помнил и сейчас: давным-давно, вместе с Рюриком, из варяжских земель прибыл на Русь предок их славного рода, явившего этому свету не одно поколение храбрых воинов...

И кто бы мог подумать, что придет время, когда, вспоминая этот рассказ, Ярославу придется пожалеть о том, что он его услышал! Какое же горькое сожаление испытывал сейчас единственный из всех Евсеевых, оставшийся в живых, за то, что не догадался попросить бабулю продолжить рассказ, за то, что так ни разу и не поинтересовался, в каких городах, по каким землям разбросаны люди, в чьих жилах тоже течет варяжская кровь. Со смертью бабушки и отца разве что Господь сможет подсказать, где Ярославу искать родственников...

Убедившись в том, что поиски родни никогда не увенчаются успехом, Ярослав решил никогда не заниматься этим бесполезным делом, и его мысли сами собой плавно перетекли совсем в другое русло.

Пора было задуматься о том, что же делать дальше. Ярослав не только остался без родных: все имущество Евсеевых, исключая разве что те самые треклятые Ровенские земли, было изъято в пользу государства, потому-то Ярослав возвращался с казни отнюдь не в родовое гнездо. А теперь, вдобавок ко всем несчастьям, ему еще приходилось скрываться от людей Салтыкова.

В том, что смерть его близких – дело рук Глеба, Евсеев перестал сомневаться в тот самый миг, как только узнал, что его ищут. «Хорошенькое же у меня положение, – думалось Ярославу, – ни родных, ни имущества, да еще и Салтыков ночами не спит, не зная, где меня искать и как получше известить!»

Евсеев до сих пор удивлялся, что, всегда находя общий язык с родителем, в день смерти царевича Дмитрия его угораздило повздорить с отцом и налакаться у Димки. Ведь стоило тогда Ярославу проявить чуть меньше упрямства и не уйти из дому, как вместо трех Евсеевых повесили бы четверых.

Чудом оставшись в живых, Ярослав теперь менее всего хотел расставаться с жизнью, тем более, когда еще оставалась надежда – ведь где-то совсем рядом ждала его голубоглазая Елена, с родителями которой уже оговорен был день свадьбы...

Однако переживания этого ставшего для Ярослава роковым дня вскоре дали о себе знать, и в мыслях о милой сердцу Елене Ярослав наконец попался в цепкие объятия сна.

Димка, заботясь о друге, хотя и пообещал прийти, не стал беспокоить Ярослава, смекнув, что Евсееву необходимо отдохнуть, и решил появиться на следующее утро. Но случай распорядился иначе, и Ефимов увидел друга лишь к вечеру.

Ярослав, увидевший Дмитрия, с перекошенным лицом появившегося на пороге каморки, от всей души рассмеялся:

– Димка, ты что, жабу проглотил?

Но Димка ничего не ответил – застав Ярослава в хорошем настроении, он никак не мог решиться сообщить другу весть, которая вызвала на его лице столь выразительную гримасу, и Ярослав, не услышав от Ефимова ответной колкости, забеспокоился.

– Ну, что на этот раз? Говори напрямик, не томи, хуже все равно не будет... – с этими словами Ярослав, вплотную подойдя к Димке, наградил его одним из тех своих взглядов, под которым Ефимов всегда робел.

Дмитрий, зная, что Ярослав все еще смотрит на него, опустил глаза, чувствуя, что теперь ему не удастся отвертеться, собирался с силами.

Прекрасно зная, что Ярослав не спускает с него глаз, Димка наконец выдал:

– Ну... э-э-э, знаешь, Елена Авдеева замуж выходит.

– Не может быть... Разве я не говорил, что в августе у нас свадьба? – смутился Ярослав, подумав, что перешел дорогу другу. – Вот уж не думал, что ты на нее тоже глаз положил.

От этих слов Ефимов покраснел еще больше, но решил довести дело до конца:

– Да нет, не я на нее глаз положил, а Сергей Салтыков.

От ставших теперь понятными Димкиных слов Ярослав изменился в лице.

– Елена? Авдеева? Ты ничего не путаешь?

– Нет, Ярыш, к сожалению, это так.

– Не может быть, у нас ведь и помолвка была, и с родителями ее все оговорено... – все еще не веря в сказанное, пытался отделаться от неприятной мысли Евсеев.

– Прости, что мне приходится тебя огорчать. Я сам сперва не поверил, а потом убедился в этом на собственной шкуре.

Васька Прохоров сказал мне, что к отцу Елены приходило несколько человек – просили руки Елены, и он, кажется, пока еще никому не ответил согласием, в надежде, что дочерью заинтересуется кто-нибудь получше.

– Ярыш, – виновато взглянув на друга, продолжал Димка, – ты уж меня прости, но вчера, решив проверить его слова, я ходил в дом Авдеевых просить руки Елены. Ты знаешь, что мне сказал Семен? Мол, приходи завтра, тогда и скажу свое решение...

Слушавший друга Ярослав постепенно покрывался мертвенной бледностью.

– Я, не поленившись, пришел с утра, но Семен ответил мне отказом. Дескать, поскольку все женихи для него равны, он оставил последнее слово за Еленой, и та выбрала Салтыкова Сергея...

Ярослав медленно, словно ему не подчинялось собственное тело, сел на лавку, охватил руками опущенную голову и больше ее уже не поднимал.

Уже не горечь утраты, как во время казни отца и братьев, не обида наполняли его сердце: доселе невиданное юному Ярославу чувство возникало в его потрясенной пережитыми несчастьями душе.

Нет, не слезы на этот раз скрывал Ярослав, спрятав от друга лицо, пока опешивший Дмитрий, не зная, что же нужно сказать, как утешить друга, переминался с ноги на ногу. Склонив голову, он боролся с нахлынувшим на него желанием немедля, заточив поострее топорик, отправиться к Салтыковым, рубануть им промеж глаз сначала Глебу, потом Сергею...

Если прежде, думая об Елене, у Ярослава возникало нежное и трепетное чувство, то теперь лютая ненависть охватывала все существо Ярослава при одной только мысли о дочери Семена. «И это моя Аленка так жестоко надо мной посмеялась?» – думал Евсеев, вспоминая те нежные и теплые слова, которые, несмотря на зоркий родительский глаз, постоянно приглядывающий за будущими супругами, все-таки успели сказать друг другу Ярослав и Елена.

В общем-то, Ярыш предполагал, что выходить замуж за другого ее вынудили родители, но вот выбирать себе в мужа Салтыкова, сына убийцы всей его семьи, ее-то уж точно никто не заставлял. Ярослав знал, что Семен сказал правду: если бы выбор стоял за ним, то отец Елены наверняка выбрал бы Ефимова. Что ни говори, но отец Димки куда более важная птица, чем Глеб Салтыков, да и сам по себе Димка видный парень.

«Ну подождала бы, пока после казни хотя бы недельки две пройдет, – думал Ярослав, – раз уж Елене все равно, кто ее мужем будет». Обиднее всего было то, что, зная об уже давно существующей неприязни между семьями Салтыковых и Евсеевых, Елена, словно издеваясь над Ярославом, выбрала себе в мужа именно Сергея, младшего сына в семье Салтыковых.

В темной каморке, на низенькой лавке, склонившись почти до самого пола, закрыв руками от друга искаженное злобой лицо, Ярослав сам себе дал страшную клятву. Что бы ни случилось, куда бы ни повернула злодейка-судьба, рано или поздно, но настанет тот день, когда Ярослав отомстит и Салтыковым за смерть своих родных да за причиненную боль, и Елениной продажной семейке, которая только и помышляла о том, как бы побыстрее спихнуть дочь, и самой изменнице.

На этот раз сдержав приступ нахлынувшего гнева, Ярослав понял: ему не суждено успокоиться до тех пор, пока он не сдержит данную только что клятву.

Димка, взглянув наконец на поднявшего голову Ярослава, даже испугался: в глазах Евсева на миг промелькнули какие-то дьявольские огоньки, и почти наяву комната наполнилась запахом крови...

Глава 3

На следующий день Ярославу предстояло узнать еще одну неприятную новость: он стал самым известным человеком в Угличе. Люди Салтыкова, уже ни с кем не считаясь и нисколько не скрывая своих намерений, чуть ли не с собаками искали единственного из оставшихся в живых из семьи Евсеева.

Впрочем, находясь в усадьбе Ефимова, Ярослав был под хорошей защитой: мало того, что никто не знал о дружбе Ярослава и Дмитрия, но Глеб, даже несмотря на его ставшее теперь довольно завидным положением, не рискнул бы соваться к Ефимовым.

Однако сидеть взаперти у Ярослава не было ни сил, ни желания, к тому же быть в тягость другу тоже не хотелось. Что ни говори, но так ведь вечно не могло продолжаться, и, поразмыслив, он понял: будь что будет, но на этой неделе ему придется покинуть Углич.

Нельзя сказать, что это решение давалось Евсееву легко. Что ни говори, но, привыкнув, что все проблемы всегда решались отцом, для которого не существовало слова «невозможно», никогда не выезжая за пределы родного города, Ярослав испытывал вполне понятную тревогу человека, жизнь которого перевернулась с ног на голову.

Однако после пережитых потрясений для Евсеева сложно было даже представить такую ситуацию, которая привела бы его в замешательство. Оттого, ни на миг не сомневаясь в правильности задуманного, Ярослав тут же сообщил Димке о принятом решении, едва тот появился на пороге.

Димка в ответ на предложение друга глубокомысленно молчал, почесывая темечко. Терпению Ярослава уже наступал предел, когда наконец Димка выдал:

– Слушай, Ярыш, тебя что, кто-то выгоняет? – И, усме хаясь, добавил: – Или тебя Улька притомила?

– Ну не век же мне здесь сидеть, сам поразмысли. Это еще Салтыков не пронюхал... Знаешь прекрасно, шила в мешке не утаишь.

По решительному тону Ярослава Димка понял, что спорить с ним бесполезно.

– Ну что ж, отправляйся, я тебя не держу, – недовольно ответил Дмитрий, – только ты как, на своих двоих от Салтыкова убежать будешь?

Ярослав молчал, не зная, что ответить другу.

– То-то же. Коня тебе нужно и денег на первое время. – Подняв почему-то только одну бровь, Димка продолжал: – Сейчас мне никто коня увести не позволит, да и с деньгами туго – отец и так на меня зол за мою последнюю выходку. Вот если только попозже...

– А если попозже ничего не получится? Мне что, и впрямь Ульяну в жены брать придется?

– Не переживай, – успокоил друга Димка. У меня, как никак, именины скоро. Забыл, что ли?

Ярослав покраснел – разве ж можно было забыть, как после бурного празднования в том году слуги в обоих домах с ног сбились, ища Димку и Ярыша, пока они отсыпались бог знает на чьем сеновале! За собственными заботами да хлопотами он и впрямь запомнил, что у Димки скоро именины.

Однако Димка ничуть не обиделся, понимая положение друга.

– К именинам будет у меня и конь, и деньги, и еще кое-что, – пообещал улыбающийся Димка. – Вот тогда и отправишься в путь, если, конечно, не передумаешь. Добро?

– Добро, – согласился виноватый Евсеев, хотя эта весть вовсе не привела его в восторг: до именин Дмитрия оставалось еще три недели, и Ярослав с ужасом представил, что ему, словно пленнику, придется все три недели торчать взаперти.

Конечно, Евсеев понимал, что Димка советует ему остаться ради его же блага, но все-таки... Дмитрий, проводящий с другом самое большее час за весь день, не мог даже представить, что такое сидеть один на один со своими мрачными мыслями.

Однако Ярославу не пришлось дожидаться именин Дмитрия: впервые за последние дни, приносившие Евсееву только горе, ему улыбнулась удача. Не прошло и двух дней, как в каморку, где медленно погибал от тоски Яро слав, ворвался взъерошенный Димка, причем не один.

Вслед за ним тихо, словно крадучись, вошел человек лет эдак тридцати-тридцати пяти. По его виду сложно было догадаться, кто он таков, но Ярыш голову на отсечение мог дать, что этот высокий, мощный незнакомец жил где угодно, только не в Угличе, потому и не беспокоился, что он мог быть человеком Салтыкова.

– Знакомся, Ярыш, это мой двоюродный брат Юрий Фатеев, – обратился Ефимов к Ярославу. – И, кивая головой в сторону Евсеева, сказал уже брату: – А это Ярыш, про него я тебе и говорил.

Незнакомец, оказавшийся Димкиным братом, пронзая Евсеева взглядом, протянул ему руку:

– Здорово, Ярослав.

Ярослав, которому даже холодно стало от блеска стальных глаз Юрия, не хотел показывать своего смущения.

– Здорово, Юрий, – не опуская глаз, таким же тоном ответил Евсеев, протягивая Фатееву в ответ свою руку, и Ярославу показалось, что его ладонь попала в раскаленные тиски, так плотно сжал ее Димкин брат своей широченной лапищей.

С губ Ярыша уже готов был слететь стон, но заметив, что Димка не спускает с него глаз, Ярослав стерпел. Чуть ли с ума не сходя от боли, внешне Евсеев оставался спокоен: даже бровью не шевельнув, он с невозмутимым видом смотрел прямо в серые глаза еще не знакомого ему человека.

Есть в народе такая пословица: «На миру и смерть красна». Знать, глядя на Ярослава, пришла она кому-то в голову. Стоило только кому-то засомневаться в способностях Ярыша – не важно, переплыть ли Волгу в апреле или закукарекать во время званого обеда – и Ярослав тут же пытался доказать, что это ему по силам.

За какое бы дело он ни брался, все казалось ему, что стоит только ему что-то сделать не так, как тут же над ним начнут смеяться. Так и на этот раз, Евсеев скорее умер бы на месте, чем хотя бы одним взглядом выдал свою слабость.

Фатеев столь же неожиданно, как и сжал, отпустил ладонь Ярослава, и, пока кликнутая Ефимовым Ульяна собирала на стол, а Ярослав растирал посиневшую руку, Димка, усмехаясь, подмигнул Юрию.

Уже за накрытым столом между гостем и двумя друзьями завязалась теплая беседа, и только тогда у Евсеева прошло то странное ощущение, которое возникло при знакомстве с Юрием.

Юрий, скорее всего предупрежденный Димкой, не стал лезть Ярышу в душу с расспросами, Дмитрий как всегда шутил, и вскоре Ярослав почувствовал себя настолько свободно, что его перестал настораживать стальной взгляд гостя.

Вот тут-то Ефимов, воспользовавшись моментом, рассказал Ярышу, зачем он все-таки привел брата: хотя у Димки с Юрием все давно было обговорено, Дмитрий не хотел принимать решение за товарища.

– Знаешь, Ярыш, – сказал он, – Юрий у меня всего на два дня гостем, а потом опять в дорогу.

Не зная, к кому же обратиться, Ярослав, словно разговаривая сам с собой, спросил:

– А куда?

– В Москву, – ответил Юрий.

Мысли, словно листья по осени, быстро-быстро закружились в мозгу Ярослава, и он решил: кто бы ни был этот человек, но он сейчас всеми силами постарается набиться ему в попутчики.

– А с кем ты отправляешься в путь? – спросил Евсеев.

– Один, – усмехнулся Фатеев.

– А тебе попутчик не помешает? – задал очередной вопрос Ярослав.

Юрий оценивающе оглядел Ярослава, и последнему на миг показалось, что ни за какие коврижки Фатеев не возьмет его с собой.

– Попутчик не знаю, а вот слуга точно не помешает, – ответил Юрий, и лукавые огоньки промелькнули в его глазах.

Кровь прилила к щекам Ярослава: и это ему, сыну Думского боярина, словно простому холопу, предстояло прислуживать этому грозному человеку, которого он знал всего пять минут! Однако оставаться вечным нахлебником Ефимова, не видя белого света, просиживать в каморке Ульяны казалось Евсееву гораздо худшим занятием, потому, наверное, он согласился бы и на гораздо худшее предложение.

«В конце концов Юрий все-таки Димкин брат, и Ефимов наверняка замолвит за меня словечко при случае,» – думалось Ярославу.

– А в Москве тебе этот слуга пригодится? – не унимался Ярослав.

– И не только в Москве, – опять странно, словно что-то скрывая, ответил Ярослав.

– А меня бы ты взял к себе в услужение? – уже напрямую спросил Ярослав, и за его спиной наконец с облегчением вздохнул Димка.

– Взял бы, но мне нужен малый не робкого десятка, – решил подзадорить Ярослава Юрий, словно зная, в чем слабое место Ярыша.

– Меня еще ни один человек в трусости не упрекнул! – гневно сверкнув очами, возразил Ярослав. – Ты не смотри, что я у Димки прячусь, не от страха это. Но сам должен знать – один в поле не воин, да и глупо умирать, пока не отомстишь обидчику.

На этот раз уже Юрий подивился кровожадному взгляду Ярослава, в котором чувствовалась даже не решимость и не отвага. Полное безразличие к своей жизни и холодную расчетливость убийцы, у которого не дрогнет рука в самый последний момент, заметил Юрий в темных глазах восемнадцатилетнего юноши, и подумал: «А ведь с него, несмотря на его молодость, будет толк, да еще какой!»

– Значит, договорились? – уже не тем насмешливым тоном, но полностью серьезно спросил Юрий.

– По рукам? – и во второй раз протянул ему свою огромную руку.

– По рукам, – ответил ему Ярослав, и со стороны Димке их рукопожатие показалось дружеским.

Глава 4

Димка, прекрасно знавший и Ярослава, и своего шального брата, никак не ожидал, что они так быстро поладят. Юрий был весьма привередлив, и сразу предупредил Димку, что никогда не свяжется с Ярославом, если тот будет похож на тех разбалованных боярских сынков, с которыми он привык иметь дело.

Гордый Ярослав, в свою очередь, несмотря на свое весьма и весьма шаткое положение, плюнув на все, мог, не принимая ничьей помощи, отправиться пешком, стоило Юрию обмолвиться парой неосторожных слов.

Однако, желая помочь другу, Димка даже рискнул поспорить с Юрием, что Фатееву не придется разочароваться в Ярыше. Хорошо зная своего брата, Ефимов был уверен: если только Ярослав придется по душе Юрию, Фатеев не станет лгать, желая выиграть спор. Но Дмитрий знал и другое: понравиться Юрию мог далеко не каждый.

Теперь, же, когда знакомство состоялось, Димка облегченно вздохнул. Юрка, конечно, поначалу всласть поиздевается над Ярославом, зато Евсееву можно больше не переживать. Ярослав не только спасется от преследований Салтыкова, но за всю его дальнейшую судьбу можно теперь быть спокойным.

Поскольку Юрий собирался погостить у брата всего два дня, то Ярославу спешно пришлось собираться в дорогу. Коня, из-за которого болела голова и у Ярыша, и у Димки, без труда достал Юрий, с остальным помог сам Димка, и на следующий день, задолго до рассвета, решено было отправляться в путь.

Ярослав в ночь перед отъездом долго не мог уснуть, все ворочался и, забывшись всего на два-три часа, пробудился, когда июньское небо только-только начинало сереть. В столь ранний час спали даже собаки, потому Евсеев, никого и ничего не опасаясь, наверное, в первый или во второй раз за последние дни вышел на улицу.

Полной грудью вдыхая по-утреннему свежий воздух, Ярослав вглядывался в далекое небо, словно спрашивая, что же на этот раз уготовила ему судьба, не жаловавшая его в последнее время. Не то чтобы он опасался новых бед – ничего, кроме жизни, остаться без которой Ярослав боялся меньше всего, у него не осталось.

На этот раз его беспокоило другое: предстоит ли когда-нибудь вернуться в родные места, или уже никогда не суждено ему услышать колокольный звон, взглянуть на ослепительные золотые купола славившегося своими церквями Углича.

Привыкнув просыпаться рано, Евсеев каждое утро встречал вместе с перезвонном множества колоколов и колокольчиков, на разный лад оповещавших о наступлении утра. Из казавшегося многим угличанам единого звука Ярослав безошибочно мог выделить голос любого из них, сказать, в какой церкви зазевался сегодня звонарь, а где проявил излишнее тщание.

Пробудившись в этот день гораздо раньше обычного, Евсеев чувствовал себя как-то неуютно, и, когда наконец послышались первые звуки никогда не надоедавшей мелодии, Ярослав понял, чего же ему так не хватало.

В последний раз в лучах восходящего солнца слушая перезвон сотен колоколов, Ярослав, плача, прощался с ними, словно со старыми друзьями. Когда же, завершая утренний перезвон, зазвучал последний колокол, Ярослав, утирая слезы, сам себе дал зарок:

«Я вернусь, – думал он, – я обязательно вернусь, и отомщу всем тем, кто лишил меня даже этой маленькой радости».

Размышления Ярослава прервал взявшийся, словно из ниоткуда, Димка:

– Ярыш, ну где ты пропадаешь? Я чуть было Ульяну не прибил, а ты тут прогуливаешься?

– За что ты ее чуть не прибил? – поинтересовался Ярослав.

– За что, за что... Пропал неизвестно куда, так грешным делом бог знает что подумаешь...

– Ладно, не бурчи, – тайком утирая не успевшие высохнуть слезы, сказал Ярослав, – иду.

Димка, в глубине души не желавший расставаться с товарищем, словно побитый пес, засеменил назад, и за ним с таким же тяжелым сердцем поплелся Ярослав. Сборы были недолгими, и уже через каких-то десять-пятнадцать минут Юрий и Ярослав стояли у запряженных лошадей.

Прощание было коротким: не желая выдавать Евсеева, Юрий настоял на том, чтобы его никто не провожал, кроме Димки. Фатеев, несмотря на раннюю побудку, выглядел свежим, и, казалось, отправлялся не в дальний путь, а на пирушку к соседу, Ярослав казался то ли безразличным, то ли так хорошо себя держал в руках, и только один Димка заметно нервничал.

Юрий, не желая, чтобы между друзьями повисло тягостное молчание, поговорил еще немного с Дмитрием, а затем были сказаны обычные в таких случаях напутствия. Когда же запас пожеланий иссяк, Ярослав, до сих пор молчавший, крепко обнимая на прощание друга, наконец сказал:

– Я вернусь, Дмитрий, я обязательно вернусь, попомни мое слово.

– Дай Бог, Ярыш, – дрогнувшим голосом ответил Димка.

Ярослав, покидая единственного дорогого человека, едва сдерживал слезы, оттого так поспешно сел на коня и вместе с Юрием пустил его галопом, желая, чтобы ветер побыстрее скрыл следы его слабости.

Димка долго глядел вслед брату и другу, и пока оседало поднятое ими облако пыли, все размышлял о том, сведет ли их судьба еще когда-нибудь или нет. И хотя Ефимов был знаком с Ярославом от силы год, да и виделись они не так уж часто, за это время они успели так крепко сдружиться, что теперь Димке было искренне жаль, что они столь быстро расстались.

«А ведь Ярыш упрямый, – посетила вдруг Дмитрия неожиданная мысль, – если уж он что обещал, то обязательно выполнит. Значит, непременно свидимся, если только Ярослав башки своей не потеряет».

Тем временем, пока Дмитрий оставался наедине со своими сожалениями, за спинами Ярослава и Юрия уже давно скрылись из вида стены Углича, и вскоре они пустили коней шагом.

Еще некоторое время Юрий и Ярослав ехали молча, а потом, когда июньское солнце растопило утреннюю прохладу, между попутчиками тоже установились теплые отношения.

Юрий, хотя и знал о Евсееве многое от Дмитрия, невзначай поинтересовался его прошлым. Нельзя сказать, что с великой охотой, очень кратко, многого не договаривая, Ярослав рассказал Фатееву о своей судьбе. Однако Юрий, прекрасно понимая состояние Евсеева, умело повел беседу, и не желавший откровенничать Ярыш все-таки разговорился.

– Скажи, Ярослав, а ты на самом деле хотел бы вернуться в Углич? – спросил Фатеев у своего попутчика.

– Хотел бы, – ответил Ярослав.

– А если не удастся?

– Рано или поздно все равно удастся, – уверенно сказал Ярыш.

– Неужто у тебя здесь еще кто-то остался?

– Не кто-то, – усмехнулся Ярослав, – а что-то, – и, глядя на удивленное лицо Фатеева, добавил: – Должок у меня здесь есть, и я не могу оставить его неоплаченным.

– Давай оплатим его сейчас, – прикинулся непонимающим Юрий, – ведь нам с тобой еще не один день вместе хлеб да соль делить, зачем же ты будешь в такую даль возвращаться?

– Не денежный это долг, да и не позволю я, чтобы мои долги кто-то другой оплачивал, – холодно ответил Евсеев.

– Так почему ты медлишь? – поддел Ярослава Юрий. – Еще не поздно вернуться, сполна воздать обидчику по заслугам.

Ярослав покраснел. На самом деле, а почему бы и нет? Однако над желанием отомстить все-таки одержал верх здравый смысл.

– Неужто ты один с половиной города тягаться можешь? – пытаюсь противостоять напору Юрия, спросил Ярыш.

– Конечно, если только подумать вначале хорошенько. Знаешь, что я тебе скажу: я ведь, когда тебя в услужение взял, в слуге-то и не нуждался вовсе.

Ярослав от удивления даже остановил коня.

– Я человек вольный, – словно не замечая, продолжал Фатеев, – и не в моих правилах принуждать людей. Всегда я мыслил широко и поступал согласно своим мыслям, и тебе советую делать так же. А коли не по зубам тебе бороться чуть ли не со всем светом, думающим не так, значит, не будет у нас с тобой ни дружбы, ни службы.

Юрий верно рассчитал: Ярослава задели за живое слова Фатеева. Вспыхнув, он довольно резко от ветил:

– По-твоему выходит, что надо рубить головы всем, кто с тобой не согласен?

– По-моему, – передразнивая Ярослава, заметил Юрий, – нужно всегда делать то, что считаешь нужным, и если кто-то будет этому препятствовать, отстаивать, неважно, словом или делом, подкупом или мечом, твое право поступать так, как тебе хочется.

Ярослав не привык к таким речам, но после пережитого такой взгляд на мир казался ему довольно заманчивым. Задумавшись, Евсеев вдруг очень ясно представил, какова будет его жизнь, если ему никогда больше не придется поступать, оглядываясь на кого-то, скрывать свои думы, все время чего-то опасаясь, и от этих мыслей Ярославу стало легко-легко, словно у него с плеч сняли целый пуд.

Пока Евсеев обдумывал сказанное попутчиком, Фатеев с улыбкой наблюдал за его меняющимся лицом. И хотя Ярослав так ничего и не ответил Юрию, Фатеев догадался, что его слова упали на благодатную почву, и пусть не сейчас, но очень скоро Ярослав согласится с ним.

Пока продолжался путь, беседы Юрия и Ярослава почти не прекращались, и действительно, постепенно, день за днем, яд Фатеевых речей проникал Ярославу в самую душу. Чем дольше слушал Ярослав Юрия, тем больше ему казалось, что он прав, прав во всем – от начала до конца, и вскоре уже открыто поддерживал Фатеева.

Евсеева, ставшего понимать этого странного человека, больше не настораживал пронзительный взгляд его стальных глаз, и странное чувство, сродни тому, которое испытываешь вблизи связанного, но от того не утерявшего своей свирепости хищника, которое поначалу возникало у Ярослава, наконец пропало.

Глава 5

Никогда не бывавший за пределами Углича, Ярослав за все время пути так и не догадался, что они едут отнюдь не в Москву. Конечно, немало этому способствовал Юрий, всегда сам разговаривавший со всеми людьми, с которыми по разным причинам приходилось иметь дело. Однако когда путники достигли широкого распутья, Фатеев свернул вовсе не на самую широкую и укатанную дорогу, которая, как можно было догадаться по ее виду, могла вести только в столицу.

За все время пути Ярослав так ни разу и не почувствовал себя слугой Юрия, но, несмотря на это, Евсеев никогда не смел перечить Фатееву, если, конечно, дело касалось только того, как Ярославу поступать и что кому говорить в дороге.

Так же и на этот раз, несмотря на свои сомнения, Ярослав не собирался ничего говорить Юрию, но тот первым затронул волновавшую Евсеева тему.

– Слушай, Ярослав, а ведь эта дорога не в Москву ведет, – сказал он Ярышу, притормаживая коня.

Евсеев воспринял эту новость молча, как будто она его не касалась.

– Я уже говорил тебе, – продолжал Фатеев, – что не в качестве слуги взял тебя с собой. Ты не думай, что ослышался: у меня на твой счет задумка была, еще когда у Димки тебя в первый раз увидел.

Ярослав по-прежнему молча взирал на Фатеева, ожидая дальнейших разъяснений.

– Знаешь, Ярослав, а я ведь вовсе не Московский боярин, как, наверное, тебе говорил Димка, и зовут меня вовсе не Юрий Фатеев.

Евсеев, наслушавшись от Юрия многих странных речей, несколько не удивился.

– А какое это имеет значение? – спросил он, и, как ни странно, пришлось поражаться не Евсееву, но Фатееву. Юрий долго смеялся – он даже не подозревал, что его ученик окажется таким способным и обставит учителя.

– Это и впрямь не имеет никакого значения, если ты никогда не слышал моего имени. В тех местах, куда я сейчас собираюсь направиться, имя Герасим Евангелик знакомо каждому.

Ярослав напряг память, но так ничего связанного с этим именем и не смог припомнить.

– Так значит, это и есть твое настоящее имя? Мне оно ничего не говорит... Но почему ты его скрываешь?

– И вряд ли оно могло быть тебе известно. Не подумай, что хваюсь, но большинство казаков, да и не только, оно приводит в трепет. Там, в Запорожье, у меня под началом состоят самые отчаянные во всей округе головы, и, уж поверь, очень многие люди желали бы продырявить мою башку или вонзить нож под сердце. Вот потому-то, находясь в незнакомых землях, я на всякий случай осторожничаю.

И, дав попутчику время поразмыслить над сказанным, Юрий, оказавшийся Герасимом, продолжил:

– Вот почему еще у Димки я предупреждал, что мне нужен малый не робкого десятка. И когда говорил, что слуга мне нужен, имел в виду, что было бы неплохо иметь еще одного удалыца под своим началом.

Однако Ярослав по-прежнему никак не реагировал на все слова Герасима, и потому Евангелик, уже решивший за Ярослава, что тот пополнит ряды его банды, на миг усомнился в том, что Евсеев примет его предложение.

Банда Герасима в последнее время потерпела значительный урон: в последней стычке погибло около десяти человек, людей не хватало, и потому Герасим не прочь был принять под свое крыло пару сорвиголов.

Конечно, Евсеев был очень молод, мало повидал на своем веку, но нрав у него был еще тот. К тому же Герасим сразу заметил, что решительный Ярослав, обладавший редкостной настойчивостью, не имел никаких привязанностей, был зол на весь белый свет, а, кроме того, нисколько не дорожил собственной жизнью.

Из Ярослава, по всем наметкам Герасима, должен выйти лихой казак, да и неплохо иметь в своем подчинении человека, который чем-то тебе обязан.

Рассуждая таким образом, Герасим вовсе не хотел, чтобы все его старания пошли насмарку, оттого, зная нрав Ярослава, решил в очередной раз усомниться в его способностях, возможно, таким образом лишив Евсея терзавших его сомнений.

– Конечно, не всякий выдерживает казацкую жизнь, и никто не сможет за тебя ручаться, будет ли тебе она под силу. Так что если чувствуешь, что не по Сеньке шапка, развернем коней, отправимся в Москву, а там, так и быть, раз обещал я Дмитрию пристроить тебя, то сдержу свое слово.

В точку попал Герасим: едва он договорил фразу, как возмущенный Ярыш, даже не подумав, согласился, лишь бы у Герасима не было и в мыслях, что он струсил.

– А с чего ты взял, что не по Сеньке шапка? Я ведь еще и не примерял ее, – резко ответил Евсеев.

– Не тебе одному предлагал я быть моим слугою, – усмехнулся Герасим, – и ты не будешь единственным, кто отказался быть под моим начальством.

Ярослав, подумав, что Герасим уже уверен в том, что услышит в ответ, разозлился.

– Не знаю, кому ты делал такие предложения, но я, никогда не скрывая своей фамилии, – в ответ пытаюсь поддеть Герасима, ответил Ярослав, – ни разу не посрамил свой род, испугавшись трудностей.

Герасим, ожидая от вспыльчивого Ярослава чего-нибудь и похлеще, даже порадовался таким словам.

– Ну что ж, славный потомок Евсеевых, – делая вид, будто немного обижен, – ответил Герасим, – посмотрим, как у тебя пойдет дело. А если не приживешься среди моих соколов, то собственноручно выпорю тебя.

– А если приживусь? Мне на тебя руку поднимать?

– А если приживешься да окажешься удалцом, я тебе в подчинение отряд отдам. Идет?

– Идет, – согласился Ярослав, и оба товарища стегнули коней, решив поторопиться.

Немало еще пришлось помучиться в пути Ярославу и Герасиму, и с каждым днем Евангелик все больше и больше убеждался в том, что он не ошибся насчет Евсея. Ярослав, несмотря на то что был младшим сыном и потому, вполне возможно, балованным ребенком, ни разу не пожаловался на какие-то трудности, даже тогда, когда туго приходилось отличавшемуся завидной выносливостью Герасиму, так что вскоре Евангелик даже зауважал Ярослава.

Евсеев же не только из упрямства проявил столько выдержки: если раньше на него все-таки давила не определенность, то теперь, когда его судьба стала ясна, Ярыш ощущал себя во много раз увереннее. И отношения Ярослава с Герасимом стали во много раз лучше: поняв, кто же такой этот странный человек на самом деле, Евсеев отправил куда подальше всю свою подозрительность и недоверие.

Несмотря на то что Ярослав никогда и носа не высовывал дальше Углича, прелесть новизны для него пропала слишком быстро. Казавшиеся поначалу такими удивительно незнакомыми и разными города, селения, дороги и необозримые Российские дали вскоре стали казаться до странного похожими, и позже Евсеев стал путаться, а порой и просто забывать, где именно и что он видел.

Ярыш давно сбился со счета, какой день они находились в пути, и когда ему уже стало казаться, что скоро он срастется со своим конем, Евангелик торжественно сообщил попутчику, что их путь почти закончен. Евсеев сначала даже не поверил Герасиму: ни одна травинка, ни

один кустик ничем не выдавали близкое присутствие людей, и конца и края не было этой узкой тропе, по которой, казалось, очень давно не ступала нога человека.

Однако эта самая незаметная тропа неожиданно для Ярослава повернула, и оба путника оказались на берегу небольшой речушки, по всей видимости, неглубокой. И, действительно, нисколько не озадачившись, Герасим резво спрыгнул и, взяв коня за узду, потянул упиравшееся животное в воду. Ярослав взмок, прежде чем ему удалось повторить то, что с такой легкостью проделал его товарищ, и оба наконец оказались на противоположном берегу.

Евангелик не стал запрыгивать на коня, Ярыш сделал то же самое, и, следуя всем изгибам тропинки, оба путника, утомленные, грязные, мокрые, ведя рядом с собой коней, пешком вошли в скрытое пригорком поселение.

Хотя и многое успел повидать Ярослав, однако на этот раз ему немало пришлось удивиться. Не то чтобы вид этих убогих хибар казался ему странным... Нет, такое Евсееву и в страшном сне не могло присниться. Жилища, которые и избями-то совестно было назвать, тесно лепились друг к другу в полнейшем беспорядке, словно ставивший их человек то ли никогда не просыхал, то ли в глубоком детстве упал с коня, да так с тех пор и не пришел в себя.

Люди, о которых так красочно рассказывал и которыми так гордился Юрий, выглядели ничем не лучше своих жилищ. Те из казаков, которые первыми встретились Евсееву, до странного напоминали Ярышу конюха Прола, все теплое время года ходившего раздевшись по пояс, словно гордясь своей широченной волосатой грудью, и исходивший от них запах перегара еще больше усиливал сходство. Почти все отличались громадными размерами, звериными мордами, так что худощавый Ярослав в таком окружении почувствовал себя оципанным цыпленком.

«Вот уж не думал, – размышлял Ярыш, – что для того, чтобы мыслить вольно и поступать согласно своим мыслям, нужно так жить...» Совсем по-другому представлял себе Евсеев ту вольную жизнь, о которой говорил Герасим, и шаг за шагом проникая в становище казаков, он с ужасом осознавал ту страшную правду, с которой ему теперь предстояло жить.

Не то и не так говорил Герасим: не любовь к правде да вольной жизни объединила этих мрачных людей. У каждого, чтоб оказаться здесь, была на то своя причина, но всех согнало сюда горе и безысходность.

Вглядываясь в угрюмые жестокие лица, Ярослав понимал, что совсем скоро он сам станет таким же злобным оборванным бандюгой, и, его в лучшем случае защищаясь, убьет какой-нибудь честный человек, а в худшем – собственный собутыльник. От этой мысли волна страшной, жгучей ненависти к тем, из-за кого ему придется так безрадостно провести свою только начинавшуюся жизнь, поднялась из самых глубин души Ярослава...

Кто знает, что бы предпочел Ярыш: болтаться вместе со своей семьей на виселице или стать казаком, если бы в день казни удалось ему хоть одним глазком взглянуть на это становище, но отступать было уже слишком поздно.

Не тех кровей был Ярослав, чтобы так легко сломаться под ударами судьбы, да и не привык он проигрывать споры, потому во что бы то ни стало решил он выдержать и это испытание, уготованное ему свыше. А когда станет все равно, продолжать ли такую жизнь или умирать, Евсеев отправится назад, в Углич, и там сполна заплатит за все свои муки...

Глава 6

Дружным смехом, а вернее, гоготом, встретила собравшаяся толпа известие о том, что Ярослав будет теперь под началом Евангелика.

– А мамка его отпустила? – издеваясь, спросил какой-то казак, видимо, славившийся острым языком.

– Да у него еще молоко на губах не обсохло! – прогремел другой, самый огромный из всех стоявших рядом.

И шайка разразилась еще большим смехом.

– Прекратить эти разговоры! – предупредил Герасим все прочие язвительные слова, уже готовые сорваться с уст других верзил, осматривавших Ярослава с ярко выраженным чувством превосходства на лице. – Ярослав – мой друг, и с этим придется считаться.

Казак притихли, но ненадолго – они знали, что совсем скоро Герасиму совсем не будет никакого дела до своего друга, вот тогда-то и можно будет потешиться всласть. Однако все произошло немного не так, как предполагали казаки, и в этот день Евангелик увел Ярослава в свое жилище. Правда, как позже выяснил Ярослав, оно мало чем отличалось от всех прочих, но в глазах казаков это считалось честью.

Переговорив с высоким и, по сравнению с остальными, худым казаком, Герасим оставил остальные дела на потом и, разделив со своим подчиненным немудреный обед, увалился отдохнуть с дороги, предложив Ярославу сделать то же самое.

После нескольких бессонных ночей, которые Евсеев и Евангелик провели на ногах, под покровом ночи преодолевая самые опасные участки пути, Ярослав, несмотря на все свои переживания, тут же уснул, а пробудился только на следующее утро, когда небо еще только начинало светлеть.

Герасим, услышав, что Евсеев зашевелился, тоже пробудился, и, чумной от долгого сна, Евангелик предложил товарищу освежиться. Ярослав покорно пошел вслед за Герасимом, и тот вывел его к злополучной реке, через которую Ярыш вчера едва перетянул коня. Недолго думая, атаман сиганул в реку, которая, как выяснилось, в некоторых местах была достаточно глубокой.

По привычке повторяя все за Герасимом, Ярослав тоже прыгнул в воду, но, когда ледяная вода коснулась еще не остывшего тела, мигом выскочил на берег. Зато Герасим, словно ничего не чувствуя, долго еще плескался, пока окоченевший Ярослав пытался натянуть кинутую впопыхах как попало одежду.

– Ну что, Ярыш, не раздумал еще казаком быть? – посмеиваясь, спросил Герасим.

– Нет, – пытаюсь скрыть дрожь, охватившую все его тело, ответил Ярослав.

– Тогда пошли, покажу тебе твое новое жилище.

Ярославу чуть плохо не стало, когда наконец Герасим завел его в смердящую хибарку. По всей видимости, здесь совсем недавно кто-то обитал, и жилище еще хранило следы этого человека. У входа стояли чьи-то сапоги, и их обладатель, судя по не очень большому виду последних, был одним из тех редких в становище людей, которые не обладали богатырским сложением. Уже внутри Евсеев обнаружил другие вещи, как попало валявшиеся по углам.

Бедолага-Ярослав еще и не подозревал, что ему крупно повезло – вот бы пришлось помучиться, утопая в огромной рубахе, путаясь в широченных штанищах, если бы прежний жилец не был худ. Это сейчас, когда еще свежи были воспоминания о родном доме, где мог Ярыш, если не понравится, как что-то пошили, заставить переделывать, Евсеев не мог себе представить, как он наденет чужую вещь. Пройдет совсем немного, и Ярослава уже не будут волновать такие мелочи...

– Живи, Ярыш, – усмехаясь, напутствовал Евсеева атаман.

После того как Евсеев увидел то место, где ему предстояло провести немалую часть своей жизни, а – кто знает – может быть, там же ее и закончить, Евангелик торжественно посвятил Ярослава в казаки: отдав Евсееву в полное распоряжение того самого коня, на котором он прибыл, Герасим вручил ему саблю.

– Держи, казак, – бережно проводя рукой по холодной стали, сказал атаман, – да береги ее. Немало она повидала хозяев, и ни один не опозорил своего имени. Надеюсь, ни мне, ни ей не придется за тебя краснеть.

Руку резко повело вниз, когда Ярослав принял у Герасима саблю, и Евсееву стоило немалых усилий удержать в руках этот почетный подарок.

– Данило! Поди-ка сюда, – крикнул Евангелик выходявшему из ближайшей хибарки казаку, в котом Ярыш узнал того человека, который с такой ехидцей отреагировал на появление нового человека в становище.

Данило послушно подошел, и Герасим обратился к нему с указанием.

– Мне самому теперь недосуг заниматься этим, потому тебе придется научить уму-разуму Ярослава. А тебе, Евсеев, – приказывал Евангелик уже Ярославу, – помимо меня во всем следует подчиняться и слушаться Данилу Наливайко.

Данило издевательски посмотрел на своего нового подчиненного, и у Евсеева похолодело в груди. Эх, и придется же натерпеться ему от этого языка стого!

Сделав все, что считал нужным, Герасим, отправился обратно в свою избу, и Данило с Ярославом остались один на один. Как только Евангелик отошел настолько далеко, что уже не мог слышать разговора обоих казаков, Наливайко тут же обратился к Евсееву.

– Тоже мне, казак, – повышая голос на последнем слове, процедил он сквозь зубы, – даже саблю держать, и то не может. А ты на коня хоть сумеешь запрыгнуть?

– Думаешь, я на своих двоих из Углича прибыл? – не выдержав таких наговоров, дерзко ответил Ярослав.

– Х-м, – тоже мне, умник нашелся. Да ведь одно дело за день три версты сделать, а вот сможешь ли ты плясать на своем коне?

Ярослав озадачился: то ли так туманно выражался, то ли издевался над ним Наливайко, но что-то не мог он ни на своей памяти, ни по рассказам других такого припомнить.

– Это как? – рискнул все-таки спросить Ярыш.

– То-то же, – прервал молчание Наливайко. – Пошли, покажу, а заодно и посмотрим, что ты умеешь.

Евсеев понуро побрел за Данилой, с этого момента ставшим для него и наставником, и советчиком, и господином. Отвязав двух самых горячих коней, Наливайко проворно вскочил на одного из них и внимательно наблюдал, как то же самое сделает Ярослав.

На этот раз Ярыш не сплеховал – во всяком случае, новый господин ничего ему не сказал. Не торопясь, они выехали подальше от стана, и здесь, на широких просторах, где можно было разгуляться, Данило и решил проверить умения Ярослава. Но сначала Евсееву удалось узнать, как же можно плясать на коне.

Отъехав подальше от новичка, Данило ласково потрепал коня за холку, словно человеку, сказал ему что-то очень тихо, а потом, натягивая то один, то другой повод, то подстегивая, то легонько похлопывая, показал такое, что Ярославу даже не снилось.

Наливайко не солгал: конь у него и впрямь плясал, по очереди то поднимая, то опускающая сперва передние, а потом задние ноги, идя то по кругу, то боком, то вставая на дыбы, и, что больше всего позабавило Ярослава, в такт своим движениям помахивал хвостом. В конце концов Данило с силой натянул поводья, и конь, повинувшись всаднику, медленно опустился на колени, так что Наливайко сумел сойти с коня сразу на землю.

– А теперь посмотрим, что у тебя получится, – сказал Данило. – Сперва я тебя нагоню, а потом ты меня попробуй.

Но, заметив какое-то непонятное выражение на лице Ярослава, добавил:

– Кони у нас с тобой одинаково лихие, но если хочешь, возьми моего.

Несмотря на то что в Угличе никто из сверстников Ярослава не владел лучше конем, чем младший из трех братьев Евсеевых, Данило с легкостью его нагнал. Но когда казаки поменялись местами, Ярослав так и не мог повторить то, что только что проделал Наливайко. Оба всадника отмахали, наверное, не одну версту, но Евсеев так и не приблизился к убежавшему, и тогда Ярослав решился на отчаянный шаг.

Видя, что Данило поворачивает, Ярыш решил пуститься ему наперерез, но Наливайко, прекрасно зная, что тропинка ведет к реке, свернул настолько резко, что не ожидавший этого Ярослав, не успев ни повернуть, ни затормозить, со всего маху полетел с разгоряченного коня...

Как же было обидно Ярославу, когда, чуть не убившись, нацепляя на волосы не то тину, не то еще какую-то зеленую речную пакость, под раскатистый хохот Данилы поднимался Евсеев из береговой грязи, словно водяной, а рядом с ним, в воде, поднимая тучи брызг, барахтался его не более удачливый конь...

– Ну что я тебе говорил? – так и не придя в себя, смеялся Данило. – Коня развернуть, и то не можешь, а еще рассказываешь, что не пешком из Углича добирался.

Ярослав, скрепя сердце, промолчал, на горьком опыте убедившись, что стоит сказать хоть одно неосторожное слово, как за него придется поплатиться. Отмывшись, Ярослав в полном молчании уселся на коня, и так ничего и не ответив Даниле, ждал его дальнейших указаний.

Данило, от души повеселившись, заметил, что Ярослав, несмотря на то что был цел и невредим, стал мрачен, как туча.

– Да ладно тебе, Ярослав, – легонько стеганув коня, сказал Наливайко. – Думаешь, ты один вот так здесь искупался?

Ярослав, по-прежнему ничего не отвечая, так же легонько стеганул коня и, сделав вид, будто ничего не произошло, чуть позади Наливайко направился к становищу.

Когда мокрый Ярослав и веселый Данило почти приехали, Наливайко еще раз обратился к своему подчиненному:

– Прекращай дуться, теперь ты настоящий казак.

– Выходит, ты меня в казаки крестил? – не удержавшись, все-таки поддел Ярослав своего обидчика.

– Вроде того, – рассмеялся Наливайко. И, спохватившись, сам себе уже добавил, – а я, выходит, твой крестный...

Глава 7

С «крещением» Евсеева в казаки постоянные подшучивания и придирки отнюдь не закончились, напротив, все прелести казацкой жизни для Ярослава только начинались. Чего только не вытворяли казаки, как только не издевались над новичком...

Ярыш поначалу принимал все очень близко к сердцу, обижался, с не меньшей язвительностью отвечал на все колкости казаков, пытался тоже делать им пакости, но никогда не опускался до того, чтобы жаловаться Герасиму, даже когда шутки были далеко не безобидными. Раз уж Ярослав что решил, значит, пути назад уже нет, потому, собрав всю свою волю, он ждал, когда же наконец он уживется с такими далеко не простыми людьми.

В этой тяжелой борьбе за то, чтобы завоевать к себе должное отношение, Ярослав и сам не замечал, как постепенно слушался чуть ли ни одного его взгляда норовистый конь, как легко он обращался со сперва пригнувшей его к земле саблей, как по-мужски ширились его плечи...

Начав принимать непосредственное участие во всех делах казацкого войска, Евсеев проявил себя далеко не худшим образом, и вскоре с удивлением обнаружил, что не слышно больше у него за спиной колкостей и грубых шуточек, и даже во взгляде ядовитого Наливайко нет привычной издевки.

Данило, а, впрочем, и многие другие казаки, заметили, что этот упрямый малец оказался слишком способным учеником: не успели они оглянуться, как Ярыш уже мог кое в чем потягаться и со старыми казаками, хотя, можно сказать, только вчера попал в войско.

Ярослав, ощутив к себе совсем другое отношение, наконец вздохнул с облегчением, а вскоре и вовсе почувствовал себя свободно. Мало-помалу казаки приняли его в свой круг, и переставший испытывать постоянное напряжение Ярыш вскоре завоевал всеобщее уважение.

Евсеева никто не мог назвать озорником и весельчаком, но и нельзя было сказать, что он зазнавался. Поначалу, привыкая к новым людям, Ярослав больше оставался в тени, но когда окончательно освоился, очень многих стал поражать этот казавшийся почти мальчишкой лихой кареглазый казачок.

Немало повидали старые казаки, и среди них не было трусов, однако такого они еще не встречали. Казалось, и не человеком был вовсе Ярослав, с такой невозмутимостью смотрел он не то что опасности, а самой смерти в глаза, но эта обычно беспощадная бабенка, то ли зная, что всегда сможет ухватить Ярыша в свои цепкие объятия, то ли просто проявив непривычную для нее слабость, упорно не хотела иметь дело с Евсеевым.

Бывало, в ужасе замирали даже годами закаленные товарищи Ярослава, но тот по-прежнему оставался спокоен и, наверное, благодаря этому хладнокровию, несмотря на всю свою молодость и недостаток опыта, Ярослав с честью мог справиться с любым заданием не только Данилы, но и самого Герасима.

Впервые поразительное бесстрашие Ярыша заметили, как только Евсеев из положения новичка и ученика перешел к службе. Однажды, когда люди Наливайко совершали очередной объезд, Данило, видя, что все спокойно, для быстреего завершения дела разделил отряд на несколько частей, поручив каждой из них осмотреть свой участок границы.

Евсеев вместе с еще пятью казаками попал под начало шепутного Анатолия Даниленко, и им предстояло прочесать те места, по которым Герасим и Яро слав когда-то возвращались из далекого пути. Видимо, не только казацкому старшине была знакома эта дорога, потому что как раз у реки, возле того самого злополучного места, где Евсеев едва перетянул коня на противоположный берег, только что перешли реку несколько путников.

Знать, совсем тяжела была доля этих несчастных, раз решили они сунуться чуть ли не в самое становище казаков!

Однако по внешнему виду путников было ясно: незнакомцы вовсе не похожи на несчастных, и чутье подсказывало Анатолию, что эти люди могут быть хорошей добычей. Поскольку из-за скрывавшего Наливайко и его подчиненных холма путники не могли заметить казаков, Анатолий предложил неожиданно на них напасть и ограбить.

Долго ждать согласия не пришлось: отряд единодушно поддержал Даниленко, и Ярослав, толком и не сообразив, почему Анатолий спрашивает согласия у своих подчиненных, не желая на этот раз попасть впросак, поспешно согласился.

Как и условились, казаки напали неожиданно, но и путники оказались начеку: схватка завязалась жестокая. И с той, и с другой стороны на каждого человека пришлось по одному противнику, так что силы были равны, и очень долго ни одна сторона не уступала.

Все же одному из незнакомцев, до странного напоминавшему медведя, удалось повалить своего противника, и теперь перевес оказался на стороне путников. Даниленко уже стал понимать, что для казаков дело может закончиться печально, а когда этот похожий на медведя человек накинута на Ярослава, Анатолий мысленно попрощался с Евсеевым.

Но не тут-то было! Несмотря на всю свою звериную силу и мощь, незнакомец так и не смог победить казака. Евсеев не только не испугался, но, поняв, что долго не сможет сопротивляться такому напору, пустился на хитрость.

В тот самый момент, когда противник собирался прикончить Ярослава, Евсеев, вместо того, чтобы обороняться или нападать самому, направил удар на коня, и несчастное животное, заржав так, что кровь в жилах останавливалась, и поднявшись на дыбы, сбросило своего седока.

Ярыш воспользовался слабостью незнакомца, и, поняв, что если здесь и сейчас, немедленно, он не лишит жизни этого необъятного человека, то всего лишь через какое-то неуловимое мгновение ему самому придется навсегда распрощаться с белым светом, со всей силы всадил саблю в еще не успевшего подняться противника.

К тому моменту уже расправившиеся со своими врагами другие казаки с замирающим сердцем наблюдали за этим жутким зрелищем. Это сейчас, имея на своей совести не меньше десятка убитых, они без колебаний могли лишит человека жизни, но каждый из них знал, какой ценой дается первая смерть.

Потому широко открытыми глазами, полными неопишемого удивления, взирали Даниленко и его подчиненные на то, как худенький Ярослав хладнокровно обирает тело только что убитого им необъятного человека. Конечно, без малейших сомнений они сделали сейчас то же самое, но вот после своего первого убийства вряд ли кто мог похвастаться подобным поступком.

Евсеев, решив поинтересоваться, настолько ли богат, как и упитан этот человек, не зря рыскал по его телу: руки убитого были плотно унизаны перстнями, а после тщательных поисков Ярыш обнаружил довольно увесистый кошелек. Как и прочие казаки, ни на миг не сомневаясь в том, что он делает, Ярослав забрал найденное.

Среди казаков было за правило отдавать награбленное старшине, или лицу, его заменяющему, чтобы тот справедливо разделил его между всеми. Ярыш, видя, как поступили остальные товарищи, у которых тоже оказались довольно богатые противники, даже нисколько не пожалев о том, что не все это добро достанется ему, отдал трофеи Анатолию.

В молчании, под каким-то непонятным впечатлением от увиденного, возвращался отряд после удачного обхода, и пять человек время от времени поглядывали на Ярыша, который с невозмутимым лицом, будто ничего не случилось, смирял рвавшегося вперед нетерпеливого коня.

Когда дело дошло до дележа, Даниленко решил дать Ярославу возможность самому выбрать себе трофей: что ни говори, но именно у Ярослава в этот раз была самая большая добыча, тем более что ни один новичок никогда еще так не отличался.

Ярыша, успевшего не только приспособиться к существующим в стане порядкам, но и потихоньку начинавшего воспринимать мир так же, как эти когда-то ужаснувшие его огромные люди, стали мало волновать прежние блага. Однако кое-что все-таки отличало Ярослава от остальных казаков. Увидев такую грудку денег и драгоценностей, лицо любого из казаков, помимо их воли, приобрело бы алчный вид, но Ярыша мало тронула такая картина.

Нельзя было сказать, что он не любил земные удовольствия – он просто понимал, что даже если бы все это добро целиком и полностью принадлежало ему, он вряд ли смог бы сейчас им воспользоваться так, как того хотелось. Ярослав прекрасно знал, что здесь, в стане, эти самоцветы ему просто ни к чему.

Однако оставить память о своем первом удачном деле, после которого казаки смотрели на него совсем другими глазами, все же хотелось, и Евсеев решил выбрать себе какой-нибудь перстенок. Один за другим, по очереди, примерял Евсеев все перстеньки, которые и он, и другие казаки сняли с рук своих противников, но они оказались огромными для тонких жилистых пальцев Ярыша.

Ярослав совсем было отчаялся подобрать что-нибудь по размеру, как под конец заметил старинный серебряный перстенок, который, судя по виду, мог быть Ярославу впору. Нельзя сказать, что он был дорогим, он даже отдаленно не напоминал тех огромных самоцветов, которые Евсеев отложил в сторону, но стоило Ярышу только взглянуть в глубины черного округлого камня, как ему тут же захотелось оставить этот перстенок у себя.

Евсеев попробовал померить перстенок, и – удивительное дело – тот оказался словно нарочно изготовленным для него, так ладно он сидел. «Что ж, – думал Ярослав, – буду теперь носить его не снимая, раз уж мне так повезло в первый раз. Кто знает, может быть, дальше он будет приносить мне удачу?»

Однако в тот миг, когда Евсеев, надев трофей, решил на него полюбоваться, яркая вспышка ослепила Ярослава. В испуге Ярыш прищурил глаза, а когда вновь открыл, только маленький багряный огонек метался, искрился в самой середине темного камешка, словно пытаясь вырваться наружу, и Евсеев почувствовал невероятный прилив сил, будто только что он глотнул живой воды.

Ярославу казалось, что сейчас в мире не существует ничего невозможного; стоит только за что-то взяться, как по одному только мановению руки свершится его самое безумное желание. Горячая волна пробежала по телу Ярыша, он вздрогнул, и словно не было ни вспышки, ни огонька – только скромный перстенок темнел на загорелой руке...

Ярослав перевел взгляд на Даниленко, стоявшего рядом, но тот по-прежнему стоял рядом, и, будто ничего не произошло, ждал ответа Ярослава.

– Ты видел? – оставаясь все еще под впечатлением увиденного, не сдержавшись, выпалил Ярослав.

– Выбрал наконец-то? – думая, что речь идет о трофее, поинтересовался Анатолий.

– Выбрал, – ответил Ярыш, поняв, что Даниленко ничего не заметил, и понуро побрел к своей хибарке.

Уже придя домой, Евсеев еще долго смотрел на перстенок, но ничего странного уже не замечал; тяжкие мысли одолевали Ярослава: довела все-таки казачья жизнь, что среди бела дня мерещится всякое...

Глава 8

Однако даже странные видения не могли изменить упрямого нрава Ярослава: не желая проигрывать заключенного с Герасимом спора, день за днем он продолжал свои казацкие подвиги. И его старания были вознаграждены – казаки давно уже забыли, как когда-то смеялись над новичком.

Теперь частенько Евсеев поражал отряд и бесстрашными вылазками, и мастерством в военных делах, а смекалистее Ярослава не было человека во всей войске. Завоевав искреннее уважение даже лихого и острого на язык Данилы, Евсеев стал незаменимым человеком в отряде, и вскоре это заметил и Герасим: вызвав его как-то к себе, вновь завел он давным-давно начатый разговор:

– Что, казак, я смотрю, пообвык ты среди моих орлов?

Ярослав в ответ только усмехнулся – уж сейчас-то, когда с ним советовался Наливайко вместе со всем отрядом, он мог открыто смотреть в глаза Герасиму, не стыдясь за то, что не оправдал ожиданий Евангелика.

– Ну что ж, пора сдержать данное слово – раз обещал я тебя во главе отряда поставить, значит, так и быть тому, – порадовал Ярыша Герасим и назвал тех людей, которые теперь будут находиться в подчинении у Евсева.

Ярославу не очень-то хотелось расставаться со своими товарищами, и хотя поначалу Евсееву здорово доставалось, было вдвойне приятно завоевать их уважение. Однако хотел Ярыш того или нет, принять на себя командование незнакомыми людьми все-таки пришлось, и он послушно кивнул в ответ Герасиму, иначе Евангелик мог подумать, что Ярослав не уверен в своих силах.

В войске ни одна душа не стала возмущаться такому назначению – ведь хотя и был молод их старшина, однако далеко не всякий казак мог похвалиться таким бесстрашием, удалью, но, самое главное, таким умом и сообразительностью.

Приняв на себя командование отрядом, Евсеев понял, что не только отчаянная храбрость нужна казаку: сколько же раз, став старшиной, приходилось ему думать и решать за других. Одно дело рисковать собственной шкурой, но совсем другое – распоряжаться жизнями своих товарищей.

С какими душевными муками порой давались Ярославу приказания, когда он знал, что одно его слово решит судьбу человека, с которым бок о бок приходилось делить и радости, и горести. День за днем, порой даже лишаясь сна в размышлениях о том, как же лучше поступить, этот самый молодой старшина во всей войске приобретал далеко не юношеский опыт.

Вот за эту серьезность, с которой подходил Ярыш к любому делу, казаки, оказавшиеся под его командованием, искренне уважали своего старшину, и ни один из них не мог попрекнуть Ярослава в несправедливости или неумении.

Однако, будучи требовательным к себе, Ярослав с такой же строгостью относился и к своим подчиненным, потому вскоре отряд Евсева по праву завоевал звание лучшего.

В том же случае, если кто-то из его казаков не справлялся с порученным ему делом, Ярослав брался за дело сам, и позже даже сам атаман поражался, как же Евсееву удавалось выпутаться из казавшейся совсем безвыходной ситуации.

Слишком часто с Евсеевым стали происходить странные вещи, и очень многим начинало казаться, будто какая-то неведомая сила хранит отчаянного Ярослава...

Так же случилось и в этот раз.

Слишком далеко от стана увело отряд Ярыша признание Герасима: никто из казаков, даже давно служивших в войске и хорошо знавших окрестности, никогда здесь не бывал. Тре-

вога была напрасной, и, удостоверившись в том, что все спокойно, отряд уже готов был поворачивать обратно, но кому-то в голову пришла шальная мысль осмотреть здешние места.

Ярослав легко чувствовал настрой своего отряда – надо же было без толку в такую даль ехать – потому не стал возражать. Однако вскоре ему пришлось пожалеть о своем решении: не зная здешних дорог, Евсеев свернул на незнакомую тропинку, и за первым же поворотом едва не свернул себе шею.

Какая же лихая голова затеяла проложить здесь путь, что прямо посреди дороги оказался пенё! Бог знает, чем бы это могло кончиться, если бы Ярослав ехал чуть быстрее, но на этот раз ему повезло, и пострадал только конь. Со всего маху налетев на то, что осталось от когда-то могучего дуба, гнедой, отлетел в сторону, но чудом удержался на ногах.

Ярослав, прыгнув, осмотрел своего любимца: из рваной раны на передней ноге коня алой струйкой стекала кровь. Евсеев громко и злобно выругался: дело серьезно осложнилось. Взяв коня под уздцы, с нерадостными мыслями в голове он решил пройти вперед и проверить, осилит ли гнедой дальнейший путь.

Конь передвигался с большим трудом, но все-таки послушно шел за своим хозяином, и, повернув еще разок по злосчастной тропинке, Ярослав вывел отряд к довольно большому селению.

Казаки уж было подумали, что оно давным-давно заброшено, так тихо было на пустующей улице, однако, подъехав поближе, заметили двух детишек, копошащихся в грязи около ближайшей избенки. Задиристо кричали петухи, у входа тучами роились мухи, и, судя по нескольким мальчишеским головам, высунувшимся из другого жилища, село было обитаемо.

То, что в избах остались только дети, легко объяснялось: в жаркий августовский денек их родители трудились в поле – было время жатвы. Казаки сообразили это сразу – и по выжидающему взгляду подчиненных, одновременно опустивших глаза на своего старшину, Евсеев сразу догадался, что они замышляют.

У Ярослава было лишь одно мгновение на то, чтобы принять решение, и, видя застывшее на лицах напряжение, он понял, что отказать им сейчас просто глупо. Старшина кивнул, и для казаков этого было достаточно – словно заранее все продумав, они быстро разбежались по избам. В этот же миг доселе тихое селение тут же наполнилось шумом: ругались казаки, визжала прятавшаяся по разным углам малышня, кудахтали куры...

Ярослав в грабеже участия не принимал: единственное, что он хотел позаимствовать у селян, так это коня. На случай, вдруг удача ему не улыбнется, он привязал своего прежнего любимца и отправился на поиски. Но на этот раз Евсееву почему-то не везло: он заглянул во все дворовые постройки, даже в те, где коня и в помине не могло быть, но так его и не нашел: по всей видимости, все имеющиеся животные были в поле.

Ярослав все еще продолжал поиски, когда казаки уже успели сделать свое дело, и нетерпеливо дожидались старшину. Желая без лишнего шума ускользнуть из села, пока не вернулись труженики, они послали Павла разузнать, куда же тот запропастился.

Павлу не стоило большого труда найти Ярослава, и Евсеев, которому осталось осмотреть еще несколько дворов, решил не задерживать отряд.

– Скажи остальным, чтобы отправлялись той же дорогой, – обратился он к Пашке. – Свою долю тоже кому-нибудь передай, а сам жди меня – если я не найду коня, придется нам ехать вдвоем.

– Где тебя ждать? – поинтересовался Пашка.

– Возле моего гнедого, – ответил Ярослав, – я мигом.

Понятливый Пашка тут же передал приказ казакам, и те спешно увозили награбленное той же тропиночкой. Однако Пашка, зная, как тяжело придется ему со старшиной на одном коне, решил помочь Ярославу и, вопреки приказу дожидаться Евсеева возле гнедого, тоже отправился на поиски коня, зная, что Ярышу осталось досмотреть не так уж и мало.

Однако это занятие заняло больше времени, чем рассчитывал Пашка и, боясь, что его рвение может только все испортить, решил отправиться туда, где договаривались. Завидев обоих животных – коня старшины и своего собственного, одиноко стоявших у покосившегося забора, у Павла отлегло от сердца – хорошую же взбучку пришлось бы ему получить, если бы Евсеев появился здесь раньше него.

Радостно подошел Павел к своему коню, но в тот момент, когда Пашка, насвистывая, потрепал гнедого за холку, мощный удар обрушился на его голову. Разноцветные круги поплыли перед глазами ничего не ожидавшего Павла, невероятная тяжесть потянула вниз, и казак повалился на землю, с которой ему уже не суждено было больше подняться...

Зато Евсеев был предупрежден о поджидавшей его опасности: так ничего и не найдя, он возвращался в тот самый момент, когда два селянина как раз оттаскивали тело Павла от животных. Однако подойти незамеченным Ярославу не удалось – один из двоих мужиков все-таки его заметил.

Бросив тело, один из них, помоложе, схватил лежавшую невдалеке дубину, которая, судя по всему, и была орудием убийства Павла, другой, постарше, со зверским выражением на лице, не найдя вблизи ничего подходящего, выламывал жердь из забора.

Подойди Ярослав хотя бы мгновением раньше, и он наверняка бы успел прыгнуть на Пашкиного коня и помчаться что есть духу, а теперь придется убить этих двоих, иначе они вобьют его в землю своими огромными дубинами.

– Степка, бей гада! – прокричал тот, что постарше, у которого никак не хотел ломаться забор.

– Угу, – промычал оказавшийся Степаном мужик и двинулся прямо на Ярослава.

Ярыш понял, что одной силой ему не справиться с такой спокойно-звериной мощью, и решил пуститься на хитрость.

Вместо того чтобы попытаться наступать, он кинулся наутек, и Степан, не желая упускать Евсеева, побежал за ним. Может, и не был так силен Ярослав, но вот ловкости ему было не занимать: с козлиной прытью перепрыгнув через забор, он побежал к тому месту, где все еще пытался обзавестись дубиной второй мужик.

Степан не смог проделать то же самое, да и понять, что дальше собирается делать грабитель, тоже вовремя не сумел.

– Матвей, берегись! – отчаянно прорезал знойный воздух крик Степана, но было уже поздно: пальцы мужика все еще продолжали сжимать наполовину поддавшуюся жердь, когда под взмахом Евсеевой сабли по сухой августовской траве покатилась голова Матвея...

Смерть друга еще больше разъярила Степана, и для себя он решил во что бы то ни стало не дать уйти живым этому бандюге. Зайдя во двор, как положено, он с огромной дубиной настиг Ярослава, который от собственного удара откинулся к тому моменту на забор. Только чудо могло спасти старшину от этого смертоносного удара...

И это чудо произошло. Когда дубина уже готова была опуститься на самое темечко Ярыша, забор, который до этого так старательно разламывал Матвей, не выдержал тяжести Ярославова тела и рухнул.

Евсеев, раньше своего противника почувствовавший, что произойдет, вскочил так проворно и неожиданно для Степана, что тот опешил. И Ярыш, поняв, что этот краткий миг замешательства – последняя возможность спасти свою шкуру, тут же им воспользовался. Второй раз взлетело в воздух смертоносное оружие, и запоздалая попытка мужика увернуться только осложнила дело: сабля пошла ровно, рассекая тело Степана надвое...

Глава 9

«Ну и жара!» – подумал Илюшка, поставив бадейку на землю и утирая пот, ручьями скапывавший с щедедушного мальчишеского тела. От зноя и усталости у него кружилась голова, но работавшие на поле люди были еще очень далеко. Как хотелось бросить здесь эту тяжеленную бадью, пуститься так, чтоб только пятки засверкали, и с разбегу броситься в прохладную воду.

«Ведь другие мальчишки сейчас купаются, – сам перед собой оправдывался за слабость Илья, но, несмотря на огромное желание, не оставлявшее его ни на минуту, так поступить он не мог. – У других мальчишек есть мамка, – размышлял он, – а у меня только батя». И думалось Илюшке, что если бы была жива мамка, вместе с другими мальчишками он бы сейчас плескался в речке.

Рядом никого не было, и мальчишка не стал скрывать слезы, нахлынувшие на глаза от обиды: вновь вспомнились ласковые руки матери, ее теплые слова и по весне – жаворонки из теста, одного из которых мамка разрешала сделать Илье своими руками...

А потом другое, но уже совсем безрадостное воспоминание пришло на ум Илюшке: выстуженная изба, множество старушенок, топчущихся по углам, и тело матери, окутанное белым саваном...

Утерев слезы, Илья размял затекшую ладонь и, подняв не по размеру большую бадью, понуро побрел туда, где виднелись люди.

Поле после жатвы напоминало бревно с густо торчащими в нем гвоздями – так больно вонзались в ноги маленькие ржаные пенечки, оставшиеся от колосьев. Но, несмотря на это, Илюшка не стал идти по его краю: так бы его путь был в два раза длиннее, и тогда уж он точно не донес бы бадью.

Как же потом проклинал себя Илюшка за то, что не пошел как обычно! Но дело было уже сделано...

Когда наконец, весь в поту, с отнимающимися руками, Илюшка все-таки донес бадью на поле, отца он там не нашел.

– А где батя? – спросил он у соседки, которая сжинала рожь рядом с наделом его отца.

– Так он до дому пошел, – переводя дух, ответила ему Галя, и Илья, не выдержав, заплакался.

И зачем только он не плюнул на все и не побежал на речку, раз все равно батя пошел домой, а он зря надрывался!

– Ты чего? – не зная тайных Илюшкиных мук, изумилась Галина, но, увидев посиневшие мальчишечьи пальцы, все поняла.

– Полно тебе, – утешила она Илюшку, – давай пока мне бадейку, и беги, гуляй, а отец пить захочет, я своего пострела pošлю.

– Так он не собирался никуда уходить, – давясь слезами, не унимался Илюшка.

– Да никуда не денется, придет твой батя, – устав выслушивать Илюшкин рев, прогремел муж Галины, здоровенный Тарас.

Илья, хорошо знакомый с грозным соседом, тут же успокоился, но уходить не стал, решив все-таки дожидаться отца. Мальчишка прождал уже добрый час, но ни Степана, ни Матвея, который вместе с ним отправился в селение, до сих пор не было, так что забеспокоился не только Илья.

К тому моменту тяжелые снопы заполнили телегу и грозили вот-вот свалиться, так что пора было отвозить урожай.

– Ну что, так и будешь посреди поля стоять? – кликнул Илью Тарас, разворачивая коня к селу, и мальчик покорно побрел за соседом.

Еще издали, приближаясь к селу, Тарас заметил, что, должно быть, где-то поблизости от его двора столпилась вся ребятня, то ли еще не ушедшая, то ли уже вернувшаяся с речки, и по тому, как тихо они собрались в кружок, он сразу понял, что стряслось что-то недоброе. А чуть позже, окидывая взглядом ближайшие дворы, Тарас знал уже наверняка, что в селе побывали незваные гости.

Молчали ребята не случайно: на лицах застыло неопишное выражение ужаса, и на все расспросы Тараса ничего внятного никто не ответил, и только самые старшие указывали пальцами на двор Степана.

Тарас, оставив телегу, забежал во двор, прошелся до его конца, куда указывали мычащие ребятки, и обмер: у вывороченного и поваленного забора на некотором расстоянии друг от друга лежали три тела. Один из мертвых не был знаком Тарасу, но по его виду селянин с легкостью догадался, что незваными гостями были казаки. Остальных, напротив, он знал слишком хорошо: несмотря на то что один из них был обезглавлен, Тарас понял, что в один миг он лишился сразу обоих соседей.

– Батя... – разрушил оцепенение мужика истошный крик, и Тарас слишком поздно спохватился, что в спешке он совсем забыл про увязавшегося за ним Илюшку.

За всю свою нелегкую жизнь Тарасу никогда не привелось увидеть зрелища страшнее: коленками пав в лужу крови, мальчишка склонился над разрубленным телом своего отца, и его приглушенные рыдания звучали совсем не по-детски...

А когда Тарас пришел в себя, то его посетили иные, не менее мрачные мысли: у мальчонки этой зимой умерла мать, только что погиб отец. Знал он также, что у Илюшки не осталось ни одной близкой души – сам помог хоронить всю родню Степана, в том году помершую от брюха.

«Что же теперь будет с Илюшкой? – думалось Тарасу. – Пропадет ведь хлопец».

И не прочь Тарас был взять к себе Илюшку, да сам едва сводил концы с концами: у них с Галиной и без того семеро детей. Как сложится судьба мальчишки? Даже если и приютит кто Илюшку, не сладким будет его сиротское детство: с первых лет жизни предстояло Илье познать голод и нищету...

Глава 10

Несмотря на то что нередко доводилось Евсееву губить людей, и эти два селянина были не первыми пострадавшими от руки Ярослава, но почему-то он долго не мог забыть происшедшего с ним в далеком селе. То ли потому, что пострадал Пашка, а может оттого, что привык убивать только в честном бою, но даже сам от себя пытался он скрыть истинную причину своих мук.

И в мыслях не хотел Ярыш возвращаться к тому моменту, когда, зарубив обоих селян, весь в крови, с еще дрожащими руками запрыгнул он на Пашкиного коня, и только тогда, натянув поводья, заметил, как словно кровью, налил алым огоньком тот самый перстенок, который однажды уже немало удивил Ярослава.

Евсеев сначала подумал, что просто-напросто его испачкал, однако перстенок по-прежнему оставался алого цвета, даже после того, как Ярослав отер его о штанину. У Ярыша чуть волосы на голове не зашевелились, когда, глядя на бывший когда-то черным камешек, он ясно видел, как тот поменял цвет, и как Евсеев ни потирал глаза, как ни наклонял перстенок в надежде на то, что камешек просто что-то отражает, тот упорно светился алым огоньком.

За все время пути упрямый камешек горел ровным алым светом, и лишь когда весь отряд достиг стана, напоследок вспыхнув, вновь превратился в ничем не примечательный черный опал.

Неприятный холодок в груди остался у Ярыша с того момента, когда он понял, что дело вовсе не в тяжелой казацкой жизни. «Ох, и выбрал же я трофей на свою голову!» – мелькнуло в тот миг предчувствие у Ярослава, но подарить кому-то или просто не носить, а, уж тем более, выбросить его Ярослав почему-то не мог. Казалось, будто какие-то незримые нити навсегда связали перстень и его владельца...

Однако больше ничего необычного за своим талисманом Евсеев не замечал, и постепенно страшный случай в селе стал стираться из памяти Ярослава.

Остался лишь горький осадок на дне Ярославова сердца. Как ни крути, а Ярослав все же не был прирожденным душегубцем. Если бы судьба была к нему более благосклонна, то жил бы он мирной жизнью под родительским кровом. Посещал бы церковь, одаривал милостынею нищих, стоящих на паперти, отбивал бы поклоны, молясь о здравии родных и близких. Потом бы возмужал, женился, завел кучу ребятишек и стал добропорядочным и богобоязненным боярином, подобно своему отцу.

Но так случилось, что жизнь его сложилась иначе. Все его родные, дорогие люди были погублены. Умерли они смертью жестокой и распростились с жизнью из-за чужого злого умысла да по клевете. Все произошедшее перевернуло душу Ярослава. Теперь он понял, что в этом мире можно убивать безнаказанно, и кара Господня не постигнет тебя за это на месте.

В какой-то мере, можно сказать, Ярослав отрекся от Бога, поскольку с легкостью теперь нарушал его заповеди. Но делал он все это не со зла, а просто потому, что это было ему выгодно, и еще потому, что он не видел повода для того, чтобы этого не делать.

В жизни каждого человека существуют определенные табу. Были когда-то они и у Ярослава. Но теперь эти неписанные законы потеряли всякий смысл. Именно такие люди, потерявшие закон в душе своей и становятся самыми страшными преступниками. Потому что им все равно. Мертва душа их, и не умеет она ни огорчаться, ни радоваться, ни милосердствовать, ни гневаться...

Жизнь Ярослава текла размеренно и даже скучно. Да и в казацком стане все было по-прежнему. Но однажды произошло событие, которому суждено было очень сильно повлиять на дальнейшую жизнь Ярослава. В казацком стане появился новичок.

Нельзя сказать, что после Ярослава войско никогда не пополнялось новыми людьми, однако все они, как правило, не были так молоды. Очень многие уже имели достаточный опыт, потому им не пришлось, как Ярославу, с таким трудом приспосабливаться к новой жизни.

И вот опять в войске появился человек, который, попади он к казакам в одно время с Ярославом, вряд ли смог бы даже потягаться с Евсеевым. Как и в прошлый раз к Ярославу, к новичку приставили Данилу Наливайко, с тем, чтобы он обучил решившего стать казаком молодца уму-разуму.

Когда Евсеев первый раз взглянул на Григория Отрепьева, тот не произвел на него должного впечатления. И вправду, в новичке не было ничего особенного: не сказать, чтобы он отличался богатырским сложением, но и не худ, среднего роста, с круглым белым лицом. Собой хорош не был, скорее напротив: одна рука короче другой, рыжеватые волосы, тусклые голубые глаза. Вдобавок ко всему две бородавки – одна под правыми глазом, другая на лбу – портили и без того не слишком приятную наружность новичка.

Однако, невзирая и на неприглядность и на то, что умений у него и вовсе никаких не было, Григорий легко нашел общий язык даже с острословом Наливайко, не говоря уже и о других казаках. Господь, обделив его пригожестью, щедро одарил многими другими способностями: казалось, благодаря своему обаянию, он мог поладить даже с чертом, если, конечно, сам не был таковым.

Ничего и никого не стесняясь, он, словно прилежный ученик, тщательно выполнял все советы и приказы своего наставника, прислушивался не только к словам старшины, но и рядовых казаков, и никогда не хвалился тем, что уже умел или чему научился. На все попытки казаков подшутить над новичком, Григорий не обращал внимания, так что, может быть, поэтому они вскоре и прекратились.

Евсеев, лишь издали мельком наблюдая за Григорием, диву давался, как же быстро и с какой легкостью этот неказистый мужичишка добивался того, что давалось Ярославу с такими муками. Не то чтобы Отрепьев был отчаяннее или умелее Ярыша, даже наоборот, кое в чем, наверное, новичку и через пару лет нельзя будет потягаться с Евсеевым, но вот в самом главном, что больше всего заботило Ярослава, Григорий все-таки его обставил: удивительным образом Отрепьеву удавалось расположить к себе любого человека, так что не прошло и недели, как Гришка был знаком чуть ли не со всем войском.

Но, несмотря на то что Ярослава, правда, вовсе не за общительность, тоже знали очень многие казаки, этим двум самым известным людям в войске все никак не удавалось даже поговорить друг с другом. Григорий очень многое знал про Ярослава, Ярослав был наслышан про Григория, но дальше этого дело не продвигалось.

Однако Отрепьеву и Евсееву все-таки суждено было познакомиться.

Ярослав все еще недоумевал, зачем же Герасим вызвал его в такую рань, когда в дверях чуть не столкнулся с новичком, которого тоже ждал Евангелик, и к атаману они вошли почти одновременно.

– Хорошо, что вы пришли вместе, – после теплого приветствия сказал Герасим казакам, а затем обратился уже к Ярославу.

– Вместо покойного Павла теперь у тебя под началом будет Григорий Отрепьев, – и после этих слов атамана Ярыш и Гришка одновременно изучающе посмотрели друг на друга.

– Он уже побывал у Наливайко, – продолжал Герасим, – но тебе, Ярослав, все же предстоит обучить его кое-чему еще.

Ярослав представил себе, как, наверное, Данило недавно «крестил» новичка, но, сдерживая усмешку, в знак согласия кивнул головой.

– А ты, Григорий, помимо меня будешь во всем подчиняться Ярославу, – добавил уже Отрепьеву Евангелик, и направился к выходу, давая понять, что на этом разговор закончен.

Вот уж не думал Герасим, что, переведя Гришку под начало Ярослава, этим самым он создаст в войске самый лихой отряд. Но прежде чем это случилось, Ярослав и Григорий долго присматривались друг к другу.

В конце концов, Евсеев и Отрепьев нашли-таки общий язык, а случилось это по нескольким причинам. У Ярослава еще свежи были в памяти свои собственные муки, когда все войско смеялось то над одним промахом Ярыша, то над другим, и невольно он проникся к новичку сочувствием, прекрасно понимая его состояние. Кроме того, на Евсеева подействовало очарование этого невзрачного с первого взгляда человека, и старшина потихоньку стал с Григорием более откровенен.

Григорий же был искренне благодарен Евсееву за заботу, которой старшина мог и не проявлять, и то ли сказалось то, что оба казака были одногодками, то ли было у них что-то общее в характере, только Отрепьев тоже привязался к Ярославу.

День за днем пролетали в непрерывных разъездах, и все это время Ярослав и Григорий проводили бок о бок, вместе выполняя приказы Герасима. Евсеев то словом, то делом во многом помогал своему подчиненному, и вскоре у старшины не было причин беспокоиться за новичка. Однако, исполняя пожелание Евангелика обучить Отрепьева тому, что он еще не постиг, Ярослав и сам кое-чему у него учился.

Во всем войске до сих пор Ярыш был, пожалуй, единственным человеком, который когда-то видал лучшую жизнь, потому никто из казаков не мог сравниться с его прежними друзьями. Несмотря на то что Евсеева уважали и ценили, несмотря на то что он все-таки научился за это время иметь дело с кем угодно, Ярослав искренне так ни к кому и не привязался.

И вот теперь Евсеев, кажется, нашел того, с кем ему было столь же легко общаться, как и с прежними товарищами.

Отрепьев, в свою очередь, тоже понял, что Ярослав, может быть, единственный во всем войске стоящий человек, и оба казака сдружились.

Прошло совсем немного времени, когда Григорий окончательно обвык среди казаков, и с тех пор никто и помыслить себе не мог, чтобы Ярыш и Гришка затевали какое-нибудь дело порознь. Стоило кому-то увидеть Ярослава, и было ясно, что Гришка где-то рядом.

После того как Ярослав наконец нашел среди казаков родственную душу, оба друга прославились на все войско. Конечно, Ярослава и без того хорошо все знали, однако до сих пор он никогда не совершал столько «подвигов». Казакам казалось, будто сам бес вселился в Ярыша – если и до сих пор его нельзя было обвинить в трусости, то теперь он просто бесчинствовал.

Даже опытные казаки изумлялись тому, что по службе совершали Ярыш с Гришкой, а уж от того, что они вытворяли в стане в свободное время, волосы на голове начинали шевелиться! И только один человек в войске не изумлялся странным поступкам переменившегося Ярослава – еще когда чуть ли ни за руку Герасим привел Евсеева в стан, он знал, что скрывается за хлипкой юношеской наружностью.

Но, несмотря на то, что Отрепьев и Евсеев искренне привязались друг к другу, дружба эта все-таки больше изменила Ярослава, и Герасим даже не догадывался, что, может быть, впервые в жизни ему пришлось просчитаться. Не так прост был Гришка, как это казалось, и вскоре это предстояло узнать всему войску...

Глава 11

Словно капельки в дождь, один за другим летели дни, и не успел Ярослав оглянуться, как наступила пасмурная осень. Третий день, не переставая, шел ливень, словно пытаясь утопить Запорожье, и за этой сплошной водной стеной почти что в двух шагах от себя ничего невозможно было различить.

Никаких приказаний от Герасима не было: грязь была такая, что в ней, наверное, с легкостью можно было увязнуть по самые уши, так что в такую погоду вряд ли кому пришло бы в голову даже нос высунуть за порог. И казаки не стали исключением: уныло сидели они в своих жилищах, собравшись где по несколько человек, а где чуть ли ни всем отрядом, и даже распитие горелки не приносило обычной радости.

В этот раз Ярослав не стал присоединяться к кому-то из отряда: вчера он здорово перестарался, не в меру употребив этого напитка, и теперь восстанавливал силы после жуткого похмелья. «Гришка вряд ли придет», – с сожалением подумал Ярыш: Отрепьев пил тогда вместе с Ярославом, и, кажется, даже больше него.

Однако Евсеев недооценил своего друга – несмотря на ливень и недавнюю попойку, Гришка пришел, и, судя по его чуть ли ни сияющему лицу, вовсе не чувствовал необходимости в отдыхе.

– Слушай, Ярыш, – поздоровавшись, серьезно обратился Григорий к старшине, – у меня к тебе разговорчик есть.

– Ну? – кивнув головой, удивленно спросил Евсеев.

– Ярослав, а ведь ты совсем не похож на всех остальных казаков. Что же тебя здесь держит?

– Да и ты не похож, а тоже тут оказался, – немного замаявшись, ответил Ярыш – до сих пор друзья никогда не касались в разговоре дел давно прошедших.

Герасим так никому и не рассказал, где он откопал такой клад для всего войска, потому никто даже не догадывался, что вынудило Ярослава пойти в казаки. Единственное, что было известно о прошлом Евсеева, так это то, что жил он когда-то в Угличе – сам как-то сболтнул, будучи еще под началом у Наливайко.

Ярослав не любил возвращаться к этой теме, и даже Гришке так до сих пор и не обмолвился ни одним словом о том, что было до того, как вместе с Герасимом он въехал в казачий стан, оттого сейчас и замаялся.

– А ведь я, Ярыш, не случайно здесь оказался, – исподтишка начал беседу Григорий. – Не голод и не лихая судьба завела меня к казакам – по доброй воле я сюда пожаловал. Вот только, – Отрепьев упор посмотрел на Евсеева, – не собираюсь я здесь долго засиживаться. Если бы знал я наверняка, что и для тебя счастье не в казачьей жизни, предложил бы кое-что получше...

– Как я в казаках оказался? Долгая эта история... – приняв решение, после долгого молчания ответил Ярослав.

– Да спешить-то некуда, – все равно на дворе Бог весть что творится. А это – чтоб легче говорилось, – доставая из-за пазухи бутыль, добавил Гришка, и, несмотря на все отговорки Евсеева, все-таки склонил его к тому, чтобы немного выпить.

Ярослав как можно короче начал рассказывать о своей прошлой жизни, но, по мере того, как убавлялась горелка, Евсеев скрытничал все меньше и меньше. Ничем не приукрасил свою историю Ярыш, все время говоря только правду: и то, что произошло в Угличе, и то, что совсем не так представлял он себе казачью жизнь, и отнюдь не расстроится, если придется с ней расстаться. Ярослав рассказал другу даже про то, что хочет вернуться в Углич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.